

Духовный органъ за свободу и независимость.

Еженедѣльными сообщенія изъ Единовѣрческой жизни.

Цѣна: годовая 5 руб., полугодовая 3 руб., за 1 мѣсяць 50 коп., съ доставкой и пересылкой; за отдѣльный № 15 к.

Цѣна за помѣщеніе объявленій: 20 коп. за мѣсто, занимаемое строкою; повтореніе—по соглашенію; разсылка готовыхъ объявленій 8 руб. съ тысячи за лотъ.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи СПВ. Николаевская 22, 2; открыта въ будни отъ 10 до 4 час. веч.

Доставленные въ редакцію рукописи подлежатъ въ случаѣ надобности измѣненіямъ и сокращеніямъ.

Статьи, признанныя неудобными, хранятся въ Редакціи 6 мѣсяцевъ, а затѣмъ могутъ быть подвергнуты уничтоженію; меньшія-же изъ нихъ уничтожаются немедленно.

Писменные объясненія по поводу корреспонденцій и статей, неудобныхъ къ печати, для Редакціи не обязательны.

Рукописи, доставляемыя безъ обозначенія условій, поступаютъ въ полное распоряженіе Редакціи.

Для личныхъ объясненій редакторъ принимаетъ по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 4 до 5 вечера въ конторѣ Редакціи.

ПРАВДА

ПРАВОСЛАВІЯ

СОДЕРЖАНІЕ. Отъ редакціи. Дѣло въ недостаткѣ мужества и въ отсутствіи воли. *Василій Мед.* Зовутъ насъ, братья мои! *Иванъ Осиповъ.* Одна страничка. *Вас. Чехъ.* Стихотворенія. *Я. С.* Мы любили его. *Норшуневъ.* Взглядъ единовѣрца на свои школы. Единовѣрецъ *Григорій Говядинъ.* Лѣтопись единовѣрческой жизни. Извѣстія и замѣтки. Письма въ редакцію.—Воззваніе о помощи для голодающихъ Самарской губ.

Отъ редакціи.

Принося на алтарь служенія челоуѣчеству свои умственные силы, свои долго лелѣяныя дорогія идеи, свои скорбящія за правду и свѣтлую жизнь сердца, **НОВАЯ РЕДАКЦІЯ** совершенно увѣрена, что „*Спійте ра, зумное, доброе, вѣчное*“,—а необозримая нива давно ждетъ своего пахаря...

Читатель живой челоуѣкъ, читатель такъ-же мыслить и страдаетъ за правду жизни, такъ-же ищетъ ее, эту правду, вездѣ, гдѣ только нога его ступить можетъ. Умъ читателя жаждетъ свѣта, а свѣтъ не всегда ярко блестятъ какъ въ каждомъ словѣ, такъ и въ каждой мысли.

НАША НОВАЯ ЗАДАЧА—это отдѣлить и отбросить уродливыя формы повседневной жизни, а безцѣнныя сокровища, что хранятся въ каждой душѣ и сердцѣ челоуѣка, заключить въ прекрасныя, дорогія рамки—и такими показать ихъ цѣлому міру!..

Въ челоуѣчествѣ мыслей много, много жажды знаній, много нравственной силы,—но мысли рѣдко заключаютъ въ себѣ мысли, знанія не всѣ достойны для храненія, а силы нравственныя тратятся на борьбу и исканіе отвѣта на единственный важный вопросъ: *Какъ жить?*

Насъ не смущаетъ то, что съ каждымъ днемъ все новые и новые журналы выступаютъ въ свѣтъ.

На землѣ мѣста много. И каждый новый журналъ хочетъ сказать нѣчто важное, нѣчто послѣднее.

Трудно указать вамъ, читатель, гдѣ свѣтъ, къ которому обращены ваши духовныя очи, гдѣ главная цѣль стремленій всего челоуѣчества, къ которой и вы и всѣ идутъ и которая, быть можетъ, еще смутно обрисовывается впереди жизненнаго пути, наконецъ—никому нельзя предложить итти сюда только или въ другую сторону, или назадъ.

Мы поэтому скажемъ: прійдите и пойдемъ вмѣстѣ!

РЕДАКЦІЯ.

Се настоящаго номера въ составѣ редакціи вошли слѣдующія лица: *А. В. Зенгеръ, В. Ѳ. Боцяновскій, М. М. Крамалей, М. Южановъ, священникъ Ярославъ Медведь, Ф. Норшуневъ (псевд.), Василій Мед., Б. Гейеръ, Ахилла Десницынъ (псевд.), Вас. Чехъ, священникъ Янъ Святловъ, З. Соловьевъ, Ив. Осиповъ и др.*

ДѢЛО ВЪ НЕДОСТАКѢ МУЖЕСТВА И ВЪ ОТСУТСТВІИ ВОЛИ.

Хочу—мой читатель
устыжь—покой мой.

Мы всѣ хотимъ, даже болѣе того—жаждемъ, завидуемъ, злословимъ, умаляемъ чужое, всѣми нашими силами стараемся наполнить цѣлый міръ своими идеями, мыслями... Прихóрашиваемся и подчищаемся, когда надлежитъ выступить предъ людьми и показать имъ себя въ желательномъ свѣтѣ.

„Вотъ я каковъ“, такъ и говоритъ каждая черточка нашего лица, такъ и сверкаетъ взоръ и ловитъ, ловитъ малѣйшіе оттѣнки звуковъ одобренія, похвалы и показнаго вниманія.

Мы усердно продаемъ свой умственный товаръ на челоуѣческомъ рынкѣ, благо рынокъ поглощаетъ все, что только выносятся на продажу. А мы идемъ дальше. Мы, въ тайникахъ своихъ, считаемъ себя во главѣ того угла мірового зданія, подъ крышей котораго рождаются, развиваются и подвизаются великіе умы и сердца. Мы не уклоняемся отъ борьбы, но, будучи послѣдовательны, никогда не считаемъ своихъ противниковъ людьми не умными или слабыми. Наоборотъ, намъ пріятнѣе видѣть ихъ успѣвающими и успѣшно дѣйствующими въ своемъ кругу...

Но мы сами, разъ только явились среди нихъ, затмѣваемъ ихъ дивнымъ свѣтомъ своей обаятель-

ной и исключительной звѣзды. Что для насъ ихъ яркія звѣздочки? Мы видимъ ихъ слабую борьбу, мы видимъ, какъ они жалостно поднимаютъ къ намъ свои побѣжденные головы, ихъ потухающіе взоры устремлены только на насъ... И готовы они слиться съ нашей звѣздой и признать себя навсегда побѣжденными. Великодушіе открываетъ двери, и мы идемъ къ нимъ на встрѣчу.

Правда, мы великодушны только въ тѣсномъ пространствѣ своего сердца, при томъ скрытаго отъ нескромныхъ взглядовъ подъ грудной клѣткой, но развѣ кто мѣшаетъ намъ сказать человѣчеству о своемъ великодушіи?

А развѣ человѣчество не привыкло слушать и вѣрить?

Мы и объявляемъ о себѣ громко. Если нужно подтвердить, мы и обласкаемъ нами побѣжденных, при чемъ не менѣе громогласно перечислимъ всѣ ихъ заслуги и достоинства.

И посмотрите на насъ, но не очарованнымъ окомъ, а просто—и вы увидите большое сходство наше съ диккенсовскимъ актеромъ Джинглемъ, надѣвшимъ на свои худыя плечи чужой, широкаго покроя фракъ.

Но это побѣда, а каждая побѣда влетаетъ новый листочекъ въ нашъ призрачный вѣнецъ. Трудно сдѣлать первый шагъ, но увѣрить себя въ побѣдѣ и даже увѣрять—легко.

Да въ настоящей жизни мы встрѣтимъ сколько угодно людей, которые, слыша наши искусно и хитро построенныя мысли безъ мыслей—не приняли-бъ ихъ за чистое золото и какъ таковому, не принесли должнаго восхищенія или удивленія.

Мы рѣдко размышляемъ надъ свойствами и категоріями добродѣтелей. Между тѣмъ, добродѣтели не равноцѣнны, но разноцѣнны. Мало того. Цѣлыя категоріи добродѣтелей гораздо ближе ко злу, если даже не самое зло. Куда отнести потуги наши на умъ? А усилія казаться добрыми, когда мы въ дѣйствительности таковыми быть не можемъ, потому что не желаемъ? Или постоянный повторительный курсъ всеми голосами объ истинѣ, истинномъ, правдѣ, цѣли, — когда въ сущности имѣемъ объ этомъ такъ мало, мало представленія?

Но мы рѣшили, что чѣмъ ярче будутъ одѣваемые на себя одежды или просто яркія заплаты, то это одно сдѣлаетъ насъ и лучшими, и свѣтлѣйшими, и желаннѣйшими.

А слово, этотъ величайшій даръ Создателя, умѣемъ ли мы обращаться съ нимъ осторожно и любить? Сомнительно.

Мы слово свели къ нулю, такъ какъ оно для насъ есть та именно дешевая и яркая одежда, въ которую облакаемъ свой нищій духъ. Наши глубокія мысли и свѣтлыя идеи, нерѣдко дикія и уродливыя, ходятъ въ мірѣ въ одеждахъ, сотканныхъ изъ легкихъ и шумящихъ словъ.

Развѣ великія слова, какъ и великія добродѣтели—не подобны глыбамъ мрамора или гранита? Развѣ иныя слова и иныя добродѣтели не

летаютъ и носятся въ мірѣ подобно ѣдкой пыли, вездѣ проникающей, но только грязнящей все своимъ прикосновеніемъ?

Рѣдко бываетъ, когда на нашу голову свалится кусокъ гранита или мрамора.

Но пыль, носящаяся всюду, которая не можетъ ни убить, ни ранить, — засыпаетъ насъ своею массою и даже застилаетъ глаза на окружающій насъ дѣйствительный міръ. Достаточно легкой струйки чистаго воздуха — и вернется къ намъ наша чистота. Мы будемъ обходить тѣ мѣста, откуда особенно благопріятно ей посыпать насъ и пудрить.

А мы сами, добровольно, не собираемъ ли пыль и хранимъ ее какъ источникъ жизни?

Или Создатель такъ уже плохо сотворилъ насъ, что мы собираемъ въ свои верхи и глубины все, что попадаетъ на нашемъ пути, не заботясь о качествахъ, лишь бы скорѣе, скорѣе насытиться?

Мы не ставимъ себѣ и вопроса: принесетъ ли собранный капиталъ достаточную прибыль для того, чтобы спокойно и свободно созерцать христіанскую, истинную жизнь; и сумѣемъ ли мы, въ нуждѣ, протянуть руку ближнему, который жаждетъ хотя бы малую частицу сокровищъ для утоленія голода души или сердца?

Собираемъ и собираемъ. Въ особенности для того, чтобы, выражаясь опредѣленно, пускать въ міръ мыльные шары, которые, какъ извѣстно, отличаются неописуемыми красотами въ сочетаніи цвѣтовъ. Одно забываемъ, что жизнь подобныхъ шаровъ—мгновенье.

Впрочемъ, большинство людей эти мгновенья принимаетъ за полноту жизни, а иные ставятъ для себя цѣлью подражать и пускать подобные шары еще болѣе яркими и еще обильнѣе.

Вотъ когда пройдетъ порядочно дней нашей жизни, такъ какъ рѣдкій изъ людей сумѣетъ быстро понять комическую и жалкую сторону пусканія въ оборотъ пустыхъ, хотя граціозныхъ и громкихъ словъ,—тогда, бросивъ взглядъ назадъ, увидимъ: на пройденномъ пути ни малѣйшаго слѣда какого либо случайно оброненнаго и годнаго для доброй жизни поступка—и даже въ памяти у людей не увидимъ ничего, кромѣ горькаго, но справедливаго упрека...

Но это не все. За нами цѣлыми вереницами поплетутся и заковыляютъ безчисленные подражатели... Начнется глухая борьба, полетѣтъ злословіе и смущеніе направо и налево, такъ же будутъ обманывать кого только возможно трескучими фразами и чуждыми словами, выхваченными изъ ряда словарей; будутъ заливать и затоплять цѣлыми потоками такъ называемаго „красиваго слова“, которое, само по себѣ, какъ платье женщины, выставленное въ окнѣ продавца, не скажетъ намъ ни о сердцѣ и умѣ, ни о красотѣ нравственной и физической.

При всей своей зоркости, при всей своей беззастѣнчивой самоувѣренности, не основанной ни

на одномъ хотя бы малѣйшемъ опытѣ, мы совершенно не видимъ, что умъ нашъ далеко не культуренъ и не развитъ, а сердце еще хуже — оно разслаблено хвалебными гимнами, поющими ежеминутно собственному „я“.

Да и нравственность наша, встрѣтивъ дѣйствительно чистую мысль и идею, кажется при сопоставленіи съ ними уже зараженной тлѣніемъ разлагающагося духа.

А мы идемъ и идемъ. Не желаемъ считаться съ живымъ міромъ. Мы видимъ подобныя намъ существа, и только. Недопускаемъ, что въ любой человѣческой головѣ лежатъ великіе капиталы. Не можемъ быть спокойными, когда встрѣчаемъ сердце, проливающее обильныя слезы при видѣ страданья любого существа.

Мимо насъ часто проходятъ истина и добро міра въ рубищѣ или нагими, но мы никогда не можемъ узнать ихъ и воздать должное. Способность наша познавать окружающую жизнь приупилась до безнадежности.

Единственная наша вѣра—это въ магическое свойство „красиваго слова“.

Мы считаемъ слово, какъ таковое, достаточно вѣрнымъ сѣменемъ. Оно, будучи брошено въ человѣческую ниву, непременно дастъ богатые всходы дѣйствительнаго совершенства и просвѣщенія, если только не считаемъ его единственнымъ чистымъ источникомъ, изъ котораго умственные и нравственные гиганты черпаютъ свои силы.

Съ этимъ положеніемъ возможно было бы согласиться, еслибъ мы не дѣлали одного маленькаго оупущенія. Гиганты человѣчества подвизались, всѣ до одного, въ жилищахъ, какъ бы сдѣланныхъ изъ чистаго хрустала. Ихъ слова и поступки жили вмѣстѣ, какъ душа и сердце живутъ въ одномъ тѣлѣ. Тайна ихъ жизни заключалась въ томъ, что они свои вѣчныя мысли и бессмертныя добродѣтели, подобно лучамъ восходящаго солнца, носили вокругъ лица и лба. Ни одна ничтожнѣйшая бородавка или складка не нарушала безъ ихъ воли общаго тона красоты фнзіономіи.

А мы? Мы прячемся въ четыре каменные стѣны своихъ жилищъ, а міру несемъ на показъ только то, что, по нашему крайнему разумѣнію, послужить къ большей славѣ и за что люди могутъ наградить насъ парюю аплодисментовъ или нѣсколькими улыбками.

Будучи вѣтромъ въ полѣ внутри себя, жалкимъ деспотомъ или невѣждой въ тѣсномъ и зависящемъ отъ насъ кругу близкихъ людей, будучи мягкимъ бархатомъ предъ сильными или жесткой крапивной тканью для подчиненныхъ, не дѣлая и слабыхъ усилій, похожихъ по значенію на удары пальца о палецъ для того, чтобы быть естественными и не взбираться на подставки,—мы къ концу своего жизненнаго пути превратимся въ холоповъ всякаго слова...

Что ждетъ бѣлку, если въ пищу ей будутъ подносить одну орѣховую шелуху?

А что ждетъ въ жизни будущее человѣчество, если для пріобрѣтенія совершеннаго духа и благороднаго сердца — оно будетъ искать однѣхъ только словъ и словъ?

Неужели между нами нѣтъ людей, которые не содрогались бы всѣмъ существомъ своимъ отъ подобной картины будущей жизни?

Есть люди, есть, но не настала еще часъ ихъ явить предъ глазами міра зяющую бездну бездушнаго слова, лукаваго, двуликаго, ведущаго насъ къ гибели всѣми путями и средствами.

Есть и иные люди, которые всѣ свои дурныя стороны жизни и характера считаютъ добрыми. Они вѣрятъ, что достаточно сказать длинную рѣчь въ защиту кротости и незлобія, а видѣ глазъ людскихъ можно спокойно наброситься на слабѣйшаго и учинить надъ нимъ безсудіе. Люди эти, расточающіе любовь кисляевъ и ханжей, вѣчно показывая свои кривыя улыбки въ углахъ рта,—подошедшаго къ нимъ за кускомъ хлѣба пса толкнуть ногою.

Мы должны скорбѣть о нихъ и, глубоко сознавая свою вину предъ всѣмъ человѣчествомъ за уродливость этихъ людей, винить всетаки единственно только самихъ себя.

Мы и только мы повинны въ ихъ грѣхахъ.

Еслибы въ насъ было чуть-туть побольше мужества, то изъять изъ обращенія опасныхъ для всего человѣческаго рода людей—не нужно и насилія. Мы имѣемъ огромное преимущество уже тѣмъ, что видимъ неразрывную связь между пустымъ словомъ, большимъ самолюбіемъ и дурного тона завистью.

Попробуйте надавить на эти три клавиша большинства людей, и ничтожная воля ихъ отпадетъ, а останется сырое вещество, надъ усовершенствованіемъ котораго мы, съ произвольною волею, можемъ и нравственно обязаны потрудиться.

Нѣтъ дороги труднѣйшей и вмѣстѣ легчайшей, какъ служеніе ближнему и всѣму человѣчеству. Сколько спасено было бы тысячъ и тысячъ утопавшихъ въ собственномъ своемъ невѣжествѣ людей!

Но намъ самимъ, прежде всего, нужно оборвать грубыя сѣти громкихъ словъ и призрачныхъ дѣлъ. Намъ самимъ нужно пріобрѣсти произвольную волю. Намъ нужно опрокинуть навзничъ глубоко всосавшееся въ умы заблужденіе, что воля свободна, что она дается подобно глазамъ, ушамъ, рукамъ. Уже одно то, что нами владѣютъ и управляютъ страсти и чувства, а не мы ими, громче всѣхъ доказательствъ говоритъ за несвободную волю.

Нѣтъ никакихъ въ мірѣ сокровищъ и жертвъ, которыя, взятыя всѣ вмѣстѣ, не являлись бы исчезающей величиной при сравненіи со „свободной“, то есть „произвольной“ волею.

Василій Мед..

Зовуть насъ, братья Мои!

Довольно мудреныхъ словъ, пространныхъ рѣчей, мнимоученыхъ разсужденій! Насъ до болѣзни измучили громкія фразы и лицемѣрныя рѣчи. Чуть ли не каждый журналъ, каждая газета вмѣсто успокоенія, вмѣсто просвѣтленія наносятъ намъ въ сердце глубокія раны. Мы ищемъ правды, за нее намъ выдаютъ явную ложь. Мы ищемъ вдохновенія на подвигъ благожеланія и прощенія, насъ влекутъ въ потокъ отчаянія.

Въ рѣдкіе часы или даже минуты досуга мы ищемъ живой души, искренней, откровенной бесѣды, отъ которой на сердцѣ стало бы тепло, которая одушевляла бы насъ на новые труды, окрыляла нашу душу надеждою на осуществленіе лучшей жизни.

Мы хотимъ, чтобы съ нами говорили отъ всей души, просто, безъ затѣй, но только одну правду, правду и безъ примѣси человѣческой-суеты и шума.

Теперь болѣе чѣмъ когда либо мы нуждаемся въ примиряющемъ голосѣ церкви, въ ея кроткихъ, но мощныхъ словахъ о Богѣ Правосудномъ, Богѣ Всевѣдущемъ Сердцевѣдцѣ, о Богѣ Великомъ Отцѣ, въ сердце Котораго могутъ всѣ вмѣститься и никому тѣсно не будетъ.

Но, къ сожалѣнію, голоса церкви почти нельзя услышать! Самое великое горе нашего времени заключается въ крайнемъ ослабленіи церковной жизни, на фонѣ которой наше положеніе иногда готово представиться какъ глубоко безотрадное, безъ надежды и на слабый просвѣтъ.

У насъ нѣтъ великихъ духоносцевъ! Ни монастырь, ни міръ, ни клиръ, ни народъ, никакое сословіе и положеніе не представили намъ ни одного великаго имени, передъ которымъ можно было бы преклониться съ благоговѣніемъ, гдѣ измученная душа дѣйствительно нашла бы утѣшеніе, услышала-бъ и горькую правду о себѣ, но за правдой получила и мощную поддержку.

Среди христіанъ точно не стало Самого Христа! Онъ насъ оставилъ, Его реально нельзя ни въ комъ ощутить.

По ученію Христову, мы должны видѣть Христа даже въ каждомъ меньшемъ братѣ, чрезъ котораго мы благотворимъ и Самого Христа. Но эта заповѣдь Христова стала для насъ недосыгаемымъ идеаломъ, потому что мы не видимъ Христа непосредственно. Въ младшемъ братѣ мы были бы способны увидѣть Христа только тогда, если-бъ ранѣ видѣли Его, хорошо бы всмотрѣлись въ Его черты, изучили ихъ и полюбили всѣмъ сердцемъ. Только напитавшись такимъ лицезрѣніемъ, такимъ познаніемъ и любовью, мы могли бы научиться цѣнить Христово и во всякомъ меньшемъ братѣ и въ каждомъ человѣкѣ.

Вотъ почему теперь съ особенной страстностью душа жаждетъ встрѣчъ съ истинными духоносцами, съ праведниками, которымъ мы радостно отдали бы въ руки свои души, которымъ вѣрили-бъ беззавѣтно

и въ которыхъ увидѣли бы Самого Господа Иисуса воплощеннаго.

Наши слова не простые догадки. Это—горькая страница жизни многихъ, писанная кровью. Развѣ не многіе изъ насъ во дни юности, а, можетъ быть, и доселѣ тщетно ищутъ православныхъ, которыхъ по совѣсти могли бы принять своими духовными отцами, потому что дѣйствительно могли бы подчиниться ихъ руководству во всѣхъ сторонахъ своей жизни?

Какъ это ни кажется страннымъ, но это такъ даже при сотняхъ архіереевъ на Руси и при десяткахъ тысячахъ священниковъ. У насъ много управителей и требоисправителей, но отцовъ и наставниковъ нѣтъ.

Ласкающей материнской заботы церкви на себѣ мы почти не испытали.

Высшее отчество, чѣмъ тѣлесное, лучшее материнство, чѣмъ кровное,—для насъ стало пустымъ звукомъ, отвлеченнымъ понятіемъ. Что же удивительнаго, что души наши, не напитанныя ласкою духовнаго отчества, сухи и черствы къ такъ называемымъ нашимъ духовнымъ собратьямъ по Церкви?

Намъ нечѣмъ любить, намъ нечего изливать на своихъ собратьевъ. Наше сердце пусто и сначала само жаждетъ небесной ласки и любви. Духовное братство для насъ пустой звукъ, какъ и духовное отчество и материнство.

Мы несравненно болѣе привязаны къ своимъ близкимъ по крови, по общественнымъ связямъ, по общимъ трудамъ и интересамъ. И это нисколько не удивительно. При великомъ паденіи нашей семейной жизни, мы все таки испытали, что родители наши насъ вскормили и воспитали, что братья и сестры наши—наша первая привычка послѣ родителей, что по общественнымъ связямъ люди болѣе оказываютъ намъ вниманія и доброжеланія, чѣмъ по церковнымъ, что наши сотрудики по общему дѣлу скорѣе выручатъ насъ изъ жизненныхъ затрудненій, чѣмъ мнимые духовные братья и такъ называемые отцы.

Обидно, глубоко обидно, что, вслѣдствіе нерадѣнія нашихъ предковъ и насъ самихъ, мы дошли до такого плачевнаго состоянія, что свѣтъ Новаго завѣта для насъ какъ будто закрылся,—точно для насъ Христосъ еще не приходилъ въ міръ, а матери церкви для насъ еще не раждалось и служителей Христовыхъ намъ не посылали.

Мы имѣемъ дивное ученіе Христово, но только въ роскошно переплетенныхъ Евангеліяхъ, а не наскрижалихъ сердца.

Мы читаемъ въ Писаніи о христіанской свободѣ, о христіанахъ, какъ о новомъ твореніи Божіемъ, но все это для насъ слова неизвѣстнаго языка и мы не понимаемъ ихъ, потому что понять ихъ нельзя ранѣ какъ не испытать своею жизнею. Будемъ свободны, узнаемъ, что значить свобода въ истинѣ Христовой. Будемъ новою тварью, поймемъ, что рѣчи о свободѣ не пустые звуки. Точно тщетно въ насъ крещеніе христіанское и всѣ другія великія тайны.

Говоримъ мы все это не для того, читатель, чтобы наводить уныніе или отчаяніе. Наше церковное по-

ложеніе крайне тяжело, но оно не безнадежно. Кромѣ насъ, есть еще Живой Господь! Что невозможно для насъ, то для Него сдѣлать возможно, если только мы сами искренно желаемъ, чтобы Господь Свое слово живое пролилъ на сухія кости нашего современнаго православія.

Кто душа православная, кто душа страдающая—откликнись! Если молитвы и воздыханія каждаго изъ насъ въ отдѣльности не исполняются, то вспомнимъ о словахъ Христовыхъ: гдѣ два или три собраны во имя Мое, тамъ я посреди ихъ; и о какой вещи вы совмѣстно рѣшите просить у Меня, то я исполню.

Братья мои! пойдѣмъ. Зовутъ насъ!

Иванъ Осиповъ.

Одна страничка.

— Который часъ, Васька?
— Восемь, Иванъ Карпычъ.
— Ахъ ты, дерево! Развѣ не знаешь, что сегодня воскресенье? Развѣ, несчастный...

— Я...

— Молчи, тварь! Пошелъ вонъ, и грозный голосъ Ивана Карпыча раздался по всей комнатѣ.

Иванъ Карпычъ, еще не старый человѣкъ, до однаго и нѣсколько заплывшій жиромъ, съ голубыми глазами и почти сросшимися бровями, сбросилъ съ себя розовое шелковое одѣяло, опустилъ ноги въ туфли, нервно набросилъ на плечи плюшевый халатъ и подошелъ къ письменному столу.

Часы показывали пять минутъ девятаго.

— Экій скотъ, выкрикнулъ онъ и даже сжалъ руку въ кулакъ.

Нажалъ кнопку звонка.

На порогѣ остановился парень лѣтъ шестнадцати, свѣтлорусый, въ синей рубашкѣ и длинныхъ сапогахъ. Вся его застывшая поза говорила о трепетѣ и страхѣ. Грудь высоко подымалась, хотя дыханіе, казалось, замерло и лишь ноздри носа усиленно раздулись и тянули въ себя воздухъ.

— Что тебѣ, круго обернувшись спросилъ Иванъ Карпычъ.

— Звонокъ дали...

— Я тѣ дамъ, и грозный кулакъ поднялъ сверху.—Если еще разъ, и Иванъ Карпычъ сдѣлалъ два шага впередъ, но остановился.—Пошелъ, чучело!

Васька безшумно вышелъ.

Иванъ Карпычъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, заглянулъ въ кабинетъ, подошелъ еще къ какой-то двери съ хрустальной ручкой, хотѣлъ ее открыть, но, видимо, раздумалъ и вернулся въ спальню.

Минутъ черезъ тридцать онъ былъ уже одѣтъ. Взявъ со стола небольшой мѣшечекъ изъ желтой бумаги и сунувъ его въ карманъ, онъ оглянулся по комнатѣ и вдругъ замѣтилъ на зеркалѣ, у самаго верхняго края, двѣ—три ниточки паутины.

— У... — Нажалъ звонокъ, но пальца съ пуговицы звонка не снималъ.

Вдали оглушительно трещалъ колокольчикъ.

Весь красный вбѣжалъ Васька въ комнату и остановился на порогѣ.

Иванъ Карпычъ, правою рукою показывая вверхъ, лѣвую не отнималъ съ кнопки звонка.

— Что ты, отродье! паутину кому готовишь?

Глаза Ивана Карпыча вышли изъ орбитъ, даже сдѣлались бѣлыми. Губы то открывались, то закрывались.

— Понялъ, что хочу, хрипло и глухо спросилъ Иванъ Карпычъ.

— Дасъ... Ив... Кар...

— Въ послѣдній, Васька!—Лошади?

— Поданы-сь.

Иванъ Карпычъ вышелъ черезъ кабинетъ и залъ въ прихожую. Въ прихожей стоялъ уже Васька и держалъ пальто съ бобровымъ воротникомъ.

Дверь за Иванъ Карпычемъ закрылась. Васька перекрестился и побѣжалъ въ спальню.

Иванъ Карпычъ сошелъ по бѣловато-голубому ковру лѣстницы внизъ. Швейцаръ, безъ шапки, сорвался съ мѣста у желтенькаго столика и открылъ дверь на улицу.

— Ты опять за свое, Митька, и Иванъ Карпычъ сверкнулъ на него своими круглыми глазами.

Тотъ только поблѣднѣлъ, но ни слова. Книга, которую онъ передъ этимъ читалъ и старался спрятать за спину, упала на лѣстницу.

Иванъ Карпычъ еще разъ метнулъ на швейцара холоднымъ взглядомъ.

Карета съ мѣста была подхвачена парой крупныхъ лошадей и быстро скрылась изъ виду.

У огромнаго, бѣлаго храма съ пятью колоннами и семью ступенями—лошади круто стали.

Иванъ Карпычъ, кряхтя, вышелъ изъ кареты и медленно началъ всходить по ступенямъ къ двери храма. Дверь открылъ сѣдой старикъ, низко кланяясь. Иванъ Карпычъ вошелъ въ храмъ, быстро-быстро сдѣлалъ три крестныхъ знаменья, мотнулъ головою и прошелъ на право.

Кое-кто изъ стоявшихъ за свѣчной вырубкой приветствовали его и поздравляли съ праздникомъ.

Онъ взялъ нѣсколько свѣчей и пошелъ самъ ставить у образовъ.

Служба только что началась. Богомольцы входили и уходили, одни усердно клали поклоны, другіе озирались по сторонамъ, иные вслушивались въ пѣніе, но были и тихо разговаривавшіе.

Иванъ Карпычъ тоже молился, быстро-быстро крестясь по три разу сразу, при чемъ каждый разъ моталъ головою внизъ, наклоня корпусъ нѣсколько впередъ.

Молящіеся начали выходить. Иванъ Карпычъ вынулъ желтый пакетикъ изъ кармана сюртука, вскрылъ его и началъ обходить бѣдную братью и надѣлать ее мѣдной монетой. Милостыня роздана.

Къ Ивану Карпычу подходили знакомые, пожимали руку, улыбались, о чемъ то говорили. Онъ то-

же улыбался ласково, кланяясь какъ галантный кавалеръ, шаркая ногами и склоняя на бокъ голову.

— Иванъ Карпычъ, подходя къ нему и здороваясь, заговорилъ высокой, сѣдой господинъ въ сюртукѣ и съ добрымъ, мягкимъ выраженіемъ сѣрыхъ глазъ.

— Къ вашимъ услугамъ, Матвѣй Петровичъ.

— Не желаете ли взглянуть на свой колоколь.

— Почему-же на мой?

— А какъ же. Вы, Иванъ Карпычъ, главный стартель и приноситель.

— Полно, Матвѣй Петровичъ, каждый по средствамъ...

— Помилуйте!

— Когда привезли колоколь?

— Въ пятницу, около вечера.

— Сегодня я не могу осмотрѣть, Матвѣй Петровичъ. Нельзя ли...

— Такъ въ другой разъ, Иванъ Карпычъ, вѣдь это все равно, и сѣдой господинъ, пожавъ руку, пошелъ къ свѣчной вырубкѣ, гдѣ висѣло на вѣшалкѣ пальто.

Иванъ Карпычъ вышелъ подъ колонны храма.

— Съ праздникомъ, много лѣтъ здоровья, кланялся стоявшій у входныхъ дверей старикъ.

Иванъ Карпычъ любилъ хорошіе нравы, любилъ уваженіе, почетъ. Старику онъ далъ обычный воскресный рубль.

Карета унеслась, и Иванъ Карпычъ, приятно покачиваясь на подушкахъ и легко вздыхая, благодушно смотрѣлъ въ окно дверцы кареты на пѣшеходовъ.

Вотъ онъ и дома. Былъ часъ дня. Въ столовой, богато уставленной сервизомъ и мебелью, за огромнымъ столомъ, сидѣло нѣсколько дамъ, мужчинъ и дѣвочка лѣтъ восьми—девяти.

— Съ праздникомъ, поклонился Иванъ Карпычъ сидѣвшимъ. Онъ подошелъ къ полной дамѣ въ сѣромъ шелковомъ платьѣ и поцѣловалъ ее, затѣмъ поцѣловалъ дѣвочку, а съ остальными поздоровался рукопожатіемъ.

За столомъ было весело. Кушанья мѣнялись быстро, голоса дамъ гармонично звучали въ обширной комнатѣ, смѣхъ ихъ, беззаботный и довольный, носился въ воздухѣ и наполнялъ всѣ уголки.

Обѣдъ конченъ.

Иванъ Карпычъ, поклонившись всѣмъ присутствовавшимъ однимъ поклономъ, пошелъ отдыхать.

... — Ваня, а Ваня! легко касаясь плеча уснувшего на диванѣ Ивана Карпыча, будила дама въ сѣромъ шелковомъ платьѣ.

— Что такое, что?

— Григорій пришелъ, произнесла дама. Важное дѣло, говорить, очень.

— А... Зови, Вѣра, сюда.

Черезъ нѣсколько минутъ, легко ступая на носки тяжелыхъ сапогъ, вошелъ Григорій, сухой, тонкій, какой-то нескладный. Видъ у него былъ болѣзненный, подъ глазами круги, носъ прозрачный и длинный.

— Что тамъ у тебя, Григорій?

— Да все у меня бѣда съ Москалевымъ, Иванъ Карпычъ.

— Какая тамъ бѣда, уже громче и съ дрожью въ голосѣ крикнулъ Иванъ Карпычъ.— Выгнать, и все недолго. Да что ты, вдругъ набросившись на Григорія, еще громче крикнулъ Иванъ Карпычъ. Развѣ я не далъ приказа?

— Дали, Иванъ Карпычъ, что и говорить, да...

— Не смѣй говорить, не смѣй!

— Что же мнѣ говорить и дѣлать, Иванъ Карпычъ.

— Не говори ни слова, а поди выбрось его за ворота.

— Умираетъ онъ...

— Пошелъ вонъ! громовымъ голосомъ раздалось въ кабинетѣ.

Григорій вздрогнулъ. Онъ привыкъ къ характеру и жизни Ивана Карпыча, но сердце его не могло привыкнуть и всегда усиленно билось, когда Иванъ Карпычъ превращался въ дикаря, готоваго схватить зубами.

— Слышишь?

— Слышу, Иванъ Карпычъ, но сдѣлать этого не могу. Но правъ на это...

— А кто тебѣ право, собака?

— Иванъ Карпычъ, законъ...

— Молчать...

Иванъ Карпычъ тяжело дышалъ, грудь его порывисто подымалась, кулаки сжимались. Григорій, широко раздувъ ноздри своего тонкаго носа, наклонившись впередъ, пристально смотрѣлъ на бушевавшего Ивана Карпыча и лишь блѣдныя щѣки говорили о большой внутренней борьбѣ. Видно было, что Григорій, силою воли, владѣлъ собою крѣпко на крѣпко.

— Пойди... приведи ломового... не торгуйся съ нимъ... живо только! и Иванъ Карпычъ указалъ своимъ короткимъ пальцемъ на дверь.

Григорій удивленно смотрѣлъ на Ивана Карпыча и не двигался.

— Что стоишь, остолопъ, пошелъ вонъ! Какъ приведешь ломового, скажи, да двухъ дворниковъ приготовь.

Григорій, склонивъ голову на грудь, нервно комкая картузъ и уже не ступая на однѣ носки сапогъ, а цѣлыми ногами, медленно двинулся исполнять порученіе.

— Господи, да что же это такое? думалъ Григорій. Неужто у него и въ правду нѣтъ... Не могу повѣрить, оборвалъ онъ свою первую мысль, не могу повѣрить.— Глубокій вздохъ вырвался изъ груди, голова наклонилась къ плечу, шаги еще болѣе замедлились.

Выйдя по черной лѣстницѣ во дворъ, Григорій сдѣлалъ распоряженіе привести ломового, а самъ пошелъ въ свою коморку, помѣщавшуюся въ подвалѣ, бросилъ на кровать шапку, сѣлъ у стола и задумался. Долго онъ сидѣлъ точно въ чадѣ.

— Григорій Федорычъ, ударяя на букву „о“, позвалъ вошедшій къ нему высокій блондинъ.

Григорій быстро открылъ глаза и удивленно уставился на блондина.—Что ты сказалъ, Петя?

— Да ломового привелъ, какъ велѣли.

— Да, да, Петя, хорошо. Иди теперь къ тому. Ему скажи, что ломовой здѣсь, а я ушелъ.

— Ладно, Григорій Федорычъ, и улыбка сочувствія и ласки такъ и заиграла на молодомъ лицѣ Пети. Онъ повернулся и вышелъ.

Вскорѣ, провожаемый Петромъ, показался во дворѣ Иванъ Карпычъ.

— Дворниковъ позови, крикнулъ онъ.

— Они здѣсь, Иванъ Карпычъ, и Петръ приподнялъ почтительно свою фуражку.

— Идемъ, ребята, искусственно возвышая голосъ, позвалъ Иванъ Карпычъ.

Впереди шелъ Иванъ Карпычъ, за нимъ Петръ, два дворника, а шестіе замыкалъ высокій, рыжій ломовой въ красной жилеткѣ и желѣзнымъ крюкомъ за поясомъ.

Черезъ двѣ—три минуты, спустившись въ подвальный помѣщенія, вся эта группа остановилась у темной, грязной, когда то обитой войлокомъ двери.

— Отопри, и Иванъ Карпычъ указалъ Петру на дверь.

Тотъ открылъ дверь и всѣ, кто заглядывая изъ за спины впереди стоявшихъ, кто стоя внутри комнаты—увидѣли слѣдующую картину.

Противъ дверей, у стѣны, сколоченная изъ досокъ—стояла широкая кровать. У кровати, на бѣломъ табуретѣ, лежала книга, стоялъ мѣдный подсвѣчникъ съ кусочкомъ восковой свѣчки и стаканъ съ свѣтло-желтенькой жидкостью, похожей на слабый чай или ромашку. Слева, у плиты, стояла молодая женщина, бѣдно одѣтая, но гладко причесанные волосы, заплетенные въ косу, кольцомъ лежали на красиво поставленной головѣ. Она, какъ стояла съ кастрюлькой въ правой рукѣ, такъ и замерла. Лицо ея покрылось смертельной блѣдностью. Поднявшаяся съ полу дѣвочка лѣтъ шести бросилась къ матери и; обхвативъ ее руками, въ которыхъ зажала какія то тряпочки, спряталась въ складкахъ платья.

— Голытьба, лежебоки, громко крикнулъ Иванъ Карпычъ.

Эти слова разбудили лежавшаго на кровати чело-вѣка. Онъ всталъ, протирая глаза и тупо уставившись на вошедшихъ. Но увидѣвъ Ивана Карповича, онъ быстро схватилъ брошенный на кровать пиджакъ, накинулъ его сверхъ ситцевой выцвѣтшей рубахи,—однако пальцы рукъ, дрожа отъ чего то страшнаго, плохо повиновались ему.

— Ты что же это, одеръ, не уѣзжаешь? Тебѣ мало шесть недѣль, лежебокъ, а?

— Иванъ... Кар...пычъ... я радъ бы... денегъ... больной я...

— Молчи! Молчи! и Иванъ Карпычъ со злостью стукнулъ ногой объ полъ.

— Забирайте его, обратился онъ къ своимъ спутникамъ, и весь хламъ этотъ...

— Иванъ Карпычъ!.. взмолился чело-вѣкъ.

— Замолчи, тварь! Сю минуту вонъ. Вонъ! уже дико, сжимая кулаки, кричалъ Иванъ Карпычъ.

Всѣ были поражены этою сценою. Рыжій ломовой два раза сверкнулъ недобрыми глазами на Ивана Карпыча, рука схватилась за желѣзный крюкъ у пояса...

— Черезъ часъ, повернувшись круто на мѣстѣ и обращаясь къ дворникамъ, я приду. Помни, хриплымъ голосомъ добавилъ онъ, выгону всѣхъ за ворота.

Съ этими словами онъ пошелъ къ двери. Всѣ разступились, и Иванъ Карпычъ, медленно поднимаясь по лѣстницѣ во дворъ, спокойно осмотрѣлъ лошадь ломовика, на лѣвой передней ногѣ которой замѣтилъ ссадину повыше колѣна, постоялъ у воротъ и такъ же медленно вошелъ въ парадный подъѣздъ.

Оставшіеся въ комнатѣ люди стояли смущенные, молчаливые. Молодая женщина первая овладѣла собою.

— Что же дѣлать намъ, люди добрые? Куда ѣхать намъ? Вѣдь не дадутъ жить на улицѣ? Онъ то, и она указала на мрачно стоявшаго лицомъ къ окну, третьяго дня всталъ съ постели. Лихорадка бьетъ его и сейчасъ еще. Какой же онъ работникъ, посудите,—и бѣдная, сжимая до боли свои тонкіе пальцы, почти упала на кровать и закрыла лицо руками.

На порогѣ стоялъ Григорій, хмурый, блѣдный и грустно глядѣлъ впереди себя. Видно было, его мучила какая то дума.

— Москалевъ, тихо позвалъ онъ.

Стоявшій у окна вздрогнулъ и оглянулся.

Григорій кивнулъ ему головою и вышелъ за дверь. Черезъ минуту показался Москалевъ. Глаза его были полны слезъ, лицо дышало отчаяньемъ.

— Ну, ну, братъ, замѣтивъ слезы, укоризненно произнесъ Григорій. Ты погоди... я вотъ... сейчасъ не могу... понимаешь?...

— Да что ты, Григорій Федо...

— Помолчи, помолчи!.. Лучше слушай, что скажу. Поѣзжай на Карповку въ домъ сорокъ четвертый, спросишь старшаго Прохорова, сѣдой такой, съ виду суровый... Ну, ему я пишу—вотъ письмо—а тамъ что Господь...

— Григорій Федорычъ, чело-вѣкъ ты!..

— Тсс... Собири-сь живо. Иди, иди, а я потомъ, понимаешь? Прощай, и Григорій Федорычъ поспѣшно пошелъ по лѣстницѣ во дворъ.

Двѣ—три секунды раздумья и растерянности, и Москалевъ, овладѣвъ собою, вошелъ въ комнату.

— Лиза, кладя руку на голову жены, прошептала онъ. Слава Богу... ѣдемъ...

Она широко раскрыла глаза и, смущенная спокойствіемъ мужа, не знала, что спросить.

— Потомъ, Лиза, потомъ скажу.—А ты, Паша, собирай скоренько свои куклы. Собирай, дѣточка!

Черезъ часъ, ломовая лошадь, позвякивая цѣпью на шеѣ и мѣдными пряжками, легкимъ шагомъ выѣхала въ ворота. На возу, среди узловъ и ящичковъ, сидѣла Паша въ бѣломъ платочкѣ на головѣ, а мать, задумчиво оставивъ взоръ на шедшаго рядомъ мужа,

двумя руками прижимала къ груди небольшую икону Спасителя.

Ломовой шелъ рядомъ съ лошадыю, пускалъ ѣдкій дымъ папирасы, свернутой изъ газетной бумаги, и отрывисто разговаривалъ съ Москалевымъ. Москалевъ, высокій и худой, въ короткомъ пиджакѣ, шелъ съ опущенной головою и заложеными за спину руками. На вопросы онъ отвѣчалъ отрывисто и односложно, но лицо ломового, послѣ каждаго подобнаго отвѣта, принимало различное выраженіе, а лобъ то и дѣло покрывался глубокими складками невеселыхъ думъ и размысленій.

Видно было, что сердце его, заключенное въ грубое и нескладное тѣло, было гораздо мягче внѣшности, а, можетъ быть, и привлекательнѣе ея.

Въ воротахъ дома стоялъ Григорій и пристально глядѣлъ на удалявшихся жильцовъ.

— Потерялъ друзей, и кто то взялъ Григорія за руку.

Онъ оглянулся. Передъ нимъ стоялъ околоточный съ портфелемъ изъ порыжѣлой кожи и длинными усами, нѣсколько съ просѣдью.

— Э, Николай Левонтьичъ, никого я не потерялъ, и Григорій поклонился, приподнявъ фуражку.

— Выселилъ?

— Николай Левонтьичъ, вдругъ поблѣднѣвъ и складывая руки, почти вскрикнулъ Григорій. — Это звѣрь, звѣрь... это базиликъ... коробка пустая!.. Сердце!.. Сердце!.. Нѣтъ ничего!..

Околоточный удивленно посмотрѣлъ на Григорія.

— Что ты говоришь, Григорій, вѣдь слушать страшно, совсѣмъ тихо произнесъ Николай Левонтьичъ.

— А присмотритесь къ нему, и Григорій указалъ головою на парадный подъѣздъ, найдется ли въ немъ что-нибудь такое, что есть въ каждой самой ничтожной твари?

— Гм!.. свѣсивъ голову, издалъ глухой звукъ Николай Левонтьичъ.

— Да, я старъ уже, я старъ... — А знаете, вдругъ спросилъ Григорій, что говоритъ Святитель Златоустъ?

— Ну, изъ писаній я мало что знаю, Григорій, и Николай Левонтьичъ, мелькомъ взглянувъ ему въ лицо, вновь опустил свою голову.

— Святитель такъ сказалъ: не можешь подражать Христу, будь ты постникъ изъ постниковъ, ежели о ближнемъ заботы не желаешь имѣть. Если ты не хочешь думать и заботиться о ближнемъ, то надежды на спасеніе никакой не имѣешь. Даже подвиги великіе...

— Григорій Федорычъ, вдругъ съ дрожью въ голосѣ перебилъ Николай Левонтьичъ, зайдя ко мнѣ, будь ласковъ, часовъ около восьми вечера чайку попить, — и съ этими словами, сжавъ свой рыжій портфель подъ лѣвой рукой, поспѣшно удалился.

Григорій Федорычъ, смущенный неожиданнымъ поведеніемъ своего слушателя, внезапно замолчалъ и широко открылъ глаза.

А вдали, согнувшись, виднѣлась быстро удалявшаяся фигура въ сѣрой шинели...

Вас. Чехъ.

I.

Тихая ночь... Свѣтъ луны серебристый...
И недвижны стоятъ облака...
Съ берега тянетъ туманомъ душистымъ...
Искрится сонной струею рѣка...

* * *

Этой чарующей ночи молчанье...
Звѣздного неба бездонная даль...
Робкое теплится чуда желанье...
Въ думахъ горитъ о блаженствѣ печаль.

II.

Поздняя ночь... Спать нѣмыя громады...
Словно прилипли другъ къ другу домовъ...
Думы безъ образовъ, скорбь безъ отрады...
Въ душу тѣснится усталую вновь...

* * *

Тихо бреду я... И путь безконечный...
Брезжить чуть чуть межъ затихшихъ громадъ...
Хоть зазвенѣлъ бы напѣвъ чей безпечный!
Всякому звуку теперь, одинокій, я радъ...

А. С.

Мы любили его...

Мы любили его... Мы любили его, тихаго, скромнаго, добраго, такого маленькаго на видъ и такого громаднаго душой, на самомъ дѣлѣ. А онъ ходилъ среди насъ и пытливо глядя своими ласковыми, глубокими, всегда грустными глазами, все искалъ несчастныхъ, колеблющихся, упавшихъ духомъ, убитыхъ горемъ.

Такихъ было много, очень много, И онъ подходилъ къ нимъ и утѣшалъ горячо и искренно. Его слова, чистыя, какъ кристалль, его мысли, свѣтлыя, какъ лучи солнца, лились на больныя, измученныя души и исцѣляли ихъ.

Онъ видѣлъ убогихъ, нищихъ, калѣкъ, и всѣмъ находилось у него ласковое слово и матеріальная помощь.

Онъ говорилъ всегда:

— Отдайте все и будете счастливы.

И онъ отдавалъ. И когда у него была одна одежда, которую нельзя было уже отдавать, онъ снималъ и ее и говорилъ:

— Подѣлимся.

И мы любили его...

Наконецъ, онъ отдалъ намъ самого себя.

И онъ умеръ, какъ умираетъ все земное, но послѣднія слова его были не осужденіе, не упрекъ, не угроза. Послѣднія слова его были лишь просьба хоронить его какъ можно проще, чтобы больше осталось немущимъ, калѣкамъ и нищимъ.

Мы похоронили его и рѣшили чѣмъ либо ознаменовать его память, ибо мы любили его. И тогда мы заказали знаменитому художнику его портретъ, мы

вставили его въ золотую раму и осыпали ее драгоценными камнями.

И онъ висѣлъ, сверкающій, ослѣпительный и лицо его, грустное, задумчивое лицо, казалось еще блѣднѣе, еще истощеннѣе въ этой роскошной рамѣ.

И никто не замѣтилъ, что эта роскошь была злая насмѣшка.

... Я люблю ходить въ тотъ уголокъ великолѣпнаго храма, гдѣ слабо освѣщенный мерцающимъ свѣтомъ лампадъ, виситъ ликъ Спасителя. Подолгу смотрю я на Его измученное, грустное лицо и рядъ мыслей, новыхъ, не будничныхъ и необычныхъ, длинной лентой проходить въ моей головѣ.

И вижу я жаркую страну, а Его босого, въ жалкой, бѣдной одеждѣ, худого и загорѣлаго.

Онъ, Сынъ Великаго Бога, въ образѣ простаго человѣка идетъ среди такихъ же людей, какъ онъ самъ и учитъ ихъ, учитъ на своемъ примѣрѣ, какъ надо жить.

А сзади идетъ толпа и въ восторгѣ слушаетъ его захватывающія рѣчи. Идутъ хромыя, слѣпые, нищія дохотомъ и нищія тѣломъ и онъ все отдаетъ имъ, отдаетъ свою душу и отдаетъ свое тѣло...

И вѣчно безсмертный, онъ умеръ, какъ человѣкъ...
Остался лишь образъ.

Здѣсь, въ углу роскошнаго храма, стоитъ Его ликъ въ чудной, золотой ризѣ, въ которую вправленъ крупный, небывалой величины брилліантъ—краса и гордость страны. Дрожащій свѣтъ лампадъ играетъ и споритъ съ игрою брилліанта и чудится, что въ немъ миллионъ огней веселыхъ и вѣчно живыхъ...

Безцѣнный брилліантъ и толпа нищихъ на паперти и еще тысячи нищихъ въ углахъ и труппахъ стараго города, тѣ, которымъ совѣсть еще не позволяетъ выставлять свою нищету въ наготѣ улицъ.

И глядя на Его задумчивые, глубокіе, какъ море, полные безконечной печали, глаза, такъ больно и грустно смотрящія изъ золотой ризы, чудится мнѣ, что струится изъ нихъ укоризна...

И тогда передъ ихъ блескомъ тускнѣетъ безцѣнный брилліантъ и кажется простымъ стеклышкомъ, ненужнымъ и глупымъ.

Б. Норшунувъ.

Взглядъ единовѣрца на свои школы.

„Единовѣрческій“ священникъ о. А. Никольскій въ своей статьѣ (Мис. Обзор. 1905 г., кн. 11, стр. 278 — 284) между прочимъ пишетъ: „обучать дѣтей грамотѣ по звуковому способу, по понятію единовѣрцевъ и расколниковъ, значить обучать по латински. Если же учитель дерзнетъ обучать по латински, то онъ рискуетъ остаться безъ учениковъ“... „Обученіе по звуковому способу въ подлежащихъ моему (о. Никольскаго) блюстительству трехъ единовѣрческихъ училищахъ съ большимъ трудомъ удалось ввести только въ концѣ 35-ти лѣтняго существованія училищъ“... „Неужели, говоритъ о. Никольскій, учитель долженъ уступать и здѣсь капризу невѣжествен-

ныхъ единовѣрцевъ, какъ долженъ уступать во многихъ случаяхъ по совѣту г. Ивановскаго?“... „Единовѣрцы, продолжаетъ онъ, какъ водится, по прежнему стремятся свести дѣло обученія только къ чтенію старопечатныхъ часослова и плалирти. Они не желаютъ и боятся обучать своихъ дѣтей арифметикѣ и грамматикѣ“. На совѣты же профессора Ивановскаго— „какъ должны держать себя учащіе единовѣрческихъ школъ, а немогущіе возложить на себя это иго не должны и поступать въ эти школы“—о. Никольскій возражаетъ, что образованныхъ людей, готовыхъ добровольно возложить на себя бремя требованій единовѣрцевъ, почти нѣтъ, а съ другой стороны, прибавляетъ онъ, „эта поддѣлка (т. е. если учитель станетъ молиться, кланяться и проч. по единовѣрчески) подѣ единовѣрцевъ развиваетъ въ послѣднихъ гордое самомнѣніе“... „Подражая единовѣрцамъ, учитель волеяневолей долженъ выбросить изъ головы всѣ попытки къ миссіонерству среди нихъ“ (единовѣрцевъ...). Кромѣ того, пишетъ онъ, „чтобы единовѣрческія церкви привлекали къ себѣ для молитвы и православныхъ, необходимо усовершенствоватъ пѣніе въ этихъ церквахъ. А такъ-такъ въ семинаріяхъ пѣніе и музыка на подобающей имъ высотѣ, то эту задачу можетъ взять на себя учитель; но это сдѣлать можно только съ согласія псаломщиковъ (а священниковъ?) и самихъ единовѣрцевъ; а послѣдніе едва ли пойдутъ на эту уступку. Если же единовѣрческія школы отдать полуграмотеямъ, то невѣжество будетъ царствовать въ прежней силѣ“... И т. д....

Говоря, что звуковой способъ обученія введенъ въ названныхъ училищахъ „только въ концѣ 35 лѣтн. ихъ существованія“, о. Никольскій, замѣтно, приписываетъ это введеніе „только своимъ“ работамъ и стараніямъ. Между тѣмъ звуковой способъ обученія тамъ введенъ не въ концѣ 35-ти, а въ 15—20-ти лѣтняго существованія тамошнихъ училищъ, т. е. лѣтъ за 15—20-ть до назначенія туда о. Никольскаго. *Этотъ способъ обученія можно было ввести тамъ и раньше, но препятствіемъ этому было „не стремленіе“ единовѣрцевъ свести дѣло обученія, какъ думаетъ о. Никольскій, къ чтенію старопечатныхъ часослова и плалирти, и „не желаніе и не боязнь обучать своихъ дѣтей арифметикѣ и грамматикѣ“, чему многіе изъ единовѣрцевъ и старообрядцевъ обучаютъ даже у католиковъ и у евреевъ, а полное и можетъ быть основательное „недоверіе“ ихъ къ бывшимъ тамъ „образованнымъ“ учителямъ. Послѣдніе, кичась своимъ образованіемъ не имѣя повидимому понятія объ единовѣрціи и о старообрядчествѣ, относились къ мѣстнымъ церковнымъ обрядамъ и обычаямъ съ насмѣшками, даже съ презрѣніемъ. Когда приходили въ единовѣрческую церковь, то, не сотворивъ обычныхъ поклоновъ и даже не оградивъ себя, какъ слѣдуетъ, крестнымъ знаменіемъ, становились гордо, оставивъ ногу въ сторону, вложивши руки въ карманы и закинувъ голову назадъ. Такое поведеніе „передовыхъ“ людей оскорбляло единовѣрцевъ въ особенности потому, что „образованный“ священникъ нисколько не старался внушать имъ держать себя въ церкви по мѣстному*

обычаю, а скорѣе-же ставилъ ихъ въ примѣръ едино-вѣрцамъ. Единовѣрцы вслухъ говорили, что при такихъ наставникахъ дѣти совѣмъ перестанутъ молиться и ходить въ Храмъ Вошіи. Говорили и то, что въ древнія времена, не смотря на отсутствіе школъ съ образованными учителями, русскій народъ былъ справедливъ, уменъ, честенъ, благороденъ, вѣжливъ, почтителенъ, милостивъ, сострадателенъ, великодушенъ, трудолюбивъ.

Нынѣ-же совѣмъ не-то

Нынѣ не только начальство министерскихъ и земскихъ школъ,—духовное начальство почти не обращаетъ вниманія на чтеніе дѣтей въ православной церкви. Церковно-славянское чтеніе значится только въ программѣ; на экзаменѣ, довольны бываютъ если ребенокъ прочиталъ восьмую или четвертую часть приготовленнаго „только къ экзамену“ псалма. Большинство благочинныхъ посѣщаетъ церкви благочинія въ будни, когда не бываетъ богослуженій. Имъ приходится провѣрять только документы да квартиру священника. До того, какъ совершается въ церкви богослуженіе и читаютъ-ли за богослуженіями дѣти и прихожане—имъ дѣла нѣтъ. Во многихъ сельскихъ церквяхъ благочинные ни разу не служили въ продолженіи 5—10 л.; не служатъ даже въ престольные праздники, не смотря на то, что святой, въ честь котораго построены тамъ храмъ, ни въ приходѣ благочиннаго, ни въ другихъ мѣстахъ его благочинія не правдуются. Если же другому благочинному или даже самому Архипастырю придется посѣтить какую либо церковь во время богослуженія, то и тогда все ихъ вниманіе бываетъ обращено лишь на хоръ; чтеніе же совершается съ большими пропусками все однимъ и тѣмъ же нынѣмъ не замѣнимымъ псалмо-пѣвцемъ.

Благодаря такой постановкѣ дѣла училища съ образованными учителями и законоучителями существуютъ 30—40 л., а грамотен и счетчики выходятъ изъ нихъ такіе же—если не хуже, какіе ни гдѣ не учились. Ариметику и грамматику обыкновенно черезъ годъ-два по выходѣ изъ училища, за рѣдкимъ упражненіемъ, дѣти совершенно забываютъ. Къ чтенію же за богослуженіями и дома совѣмъ не приучены. Не говоримъ объ объясненіи молитвъ, многіе читаютъ ихъ не умѣютъ. До того какъ дѣти молятся и что они читаютъ утромъ и вечеромъ, предъ обѣдомъ и ужинамъ и послѣ нихъ—школы какъ будто-бы дѣла нѣтъ. Въ концѣ концовъ получается, что кто два съ половиной казыхъ-то странныхъ поклона кивнетъ, кто-полтора, а кто-тыкнетъ большимъ пальцемъ къ носу, потруситъ около рукою—вотъ и всѣ молитвы и благодаренія Богу.

Когда-то цари и князья, богатые и бѣдные больше всего любили и дорожили чтеніемъ святоотеческихъ книгъ, украшеніемъ горницъ и иконой святыми иконами. Несмотря на то, что тогда книги были очень дороги, но все же онѣ были въ большемъ количествѣ и у бѣдныхъ.—Онѣ были гордостью и самымъ дорогимъ достояніемъ старинныхъ людей. Во время пожаровъ прежде всѣхъ драгоценностей оберегались иконы и книги. Простоятъ малую и великую вечерню, павечер-

ницу, полунощницу и заутреню подь воскресные и праздничные дни, литургію-утромъ, а вечерню и малую павечерницу—вечеромъ тѣхъ дней было неизмѣннымъ священнымъ долгомъ, не только „для священно и церковнослушателей учителей“, но и для каждаго мірянина-христіанина. На клиросахъ въ чтеніи и въ пѣніи участвовали вельможи и простые богатые и бѣдные, старые и малые. И нынѣ, единовѣрцы и старообрядцы, дорожатъ истовымъ богослуженіемъ и любить пѣть и читать въ церкви.

Но за то современные нетерпѣливые пастыри и „образованные“ учителя знаютъ объ этомъ не хотятъ. Для нихъ важны только „соло“, да „мелодія“ хора, что не умилаетъ душу искренняго богомольца, а отвлекаетъ его вниманіе отъ смысла эктений и прочаго, произносимыхъ священникомъ и отъ чуднаго содержанія стихиръ, тропарей, сѣдалновъ и друг.

Большіе образа въ дорогихъ кіотахъ и окладахъ теперь замѣняетъ одна едва-едва замѣтная въ углу икона, и то должно быть родительское благословеніе жены батюшки; вотъ табакъ, карты, скрипка, гитара, фисгармонія, піанино—это обычное явленіе. Журналы и другія сочиненія свѣтскихъ писателей находятся въ хорошихъ переплетахъ и симметрично разставлены въ шкапу подь стекломъ и несомнѣнно всѣ они прочитаны; духовные же журналы, если кто изъ духовенства и выписываетъ, у многихъ можно встрѣтить даже на другой-третій годъ неразрѣзанными, и вмѣстѣ съ евангеліемъ, служебникомъ и канонникомъ, лежащимъ какъ попало на этажеркѣ въ пыли; тутъ же иногда и въ такомъ почетѣ и лики Спасителя, Вошіей Матери, креста Христова и святыхъ, отпечатанныхъ „для назиданія народа“, на примѣръ въ Троицкихъ и Почаевскихъ листкахъ, въ календаряхъ и въ разныхъ каталогахъ и объявленіяхъ. И къ чему эти св. лики печатаются въ видѣ картинокъ, когда ихъ не мало рвется и попирается ногами иногда даже валяются вмѣстѣ съ мусоромъ и всякими отбросами?

Такой способъ распространенія св. изображеній не назидаетъ народъ, а умалываетъ уваженіе къ святынямъ.

Вотъ что не желаютъ, не любятъ и боятся единовѣрцы и старообрядцы, а не ариметики и грамматики.

Многіе православные люди удивляются, что у нѣкоторыхъ единовѣрцевъ и у старообрядцевъ училища съ образованными учителями и законоучителями нѣтъ, а грамотные и дѣти и взрослые имѣются; они и читаютъ, и пишутъ, и въ счетѣ едва ли кто ихъ обманетъ. Подь воскресные или подь праздничные дни у нихъ не рѣдко можно найти то, что лѣтъ 10—12-ти мальчикъ читаетъ вслухъ, приготовляя что нибудь прочесть за заутренней или за часами. Можно у нихъ видѣть и то, какъ лѣтъ 8—9-ти дѣвочка „учить“ 2—3-хъ лѣтняго ребенка „молиться“, старательно водя его руку со сложеными пальцами на его лобъ, животъ, на правое и на лѣвое плечи, и не безъ успѣха: 4—5-лѣтній ребенокъ уже истово себя ограждаетъ; станетъ-ли онъ ѣсть или пить—истово перекрестится; придетъ-ли къ сосѣду въ домъ—непремѣнно сотворитъ три истовыхъ ровныхъ поясныхъ

поклона; онъ ни за что не ляжетъ спать и, поднявшись съ постели, не сядетъ за столъ, не помолвшись: утромъ утренняго, а вечеромъ вечерняго „началовъ“. Последніе заключаютъ въ себѣ: Молитву „мытари“ съ тремя поясными поклонами, „Достойно есть“—послѣ земной поклонъ, „Слава и нынѣ“ съ тремя поясными поклонами, и отпустъ „Молитвъ ради Пречистыя Ти (твоея) Матери“—земной поклонъ; дважды „Вогородяще Дѣво радуяся“—съ 2-ми земными поклонами; затѣмъ нѣсколько по усердію поясныхъ поклоновъ, а въ заключеніе: если утро—„Отче нашъ“ (молитва Господня) съ земнымъ поклономъ, а если вечеръ—„Да воскреснетъ Богъ и разыдутся врази Его“ и тоже земной поклонъ. Это называются „малыми началами“, а большіе—отдѣльно; они помѣщены въ азбукѣ единовѣрческой печати. Онъ, ребенокъ, ни за что не станетъ, гдѣ бы это ни случилось, въ постные дни ѣсть скоромное и не сядетъ обѣдать, не прочитавши „Отче нашъ“, и не отойдетъ отъ стола послѣ обѣда, пока не прочитаетъ „Достойно есть“. Точно такъ же онъ не сядетъ и за ужинъ не прочитавши „Ядятъ нищій“ (Псал. 21, ст. 27) и не отойдетъ отъ стола послѣ ужина, пока не прочитаетъ „Бысть чрево Твое святая Трапезо“, „Честнѣйшую Херувимъ“ (послѣ этого поясной поклонъ) и „Возвеселилъ—мя еси Господи“, помѣщенные въ той же азбукѣ. Передъ каждой молитвой, читаемой предъ обѣдомъ и ужиномъ и послѣ нихъ, онъ не преминетъ сказать: „За молитвы святыхъ отецъ нашихъ Господи Иисусе Христе Сыне Божій помилуй насъ—аминь“, и поясной поклонъ; послѣ „Отче нашъ“ и „Ядятъ нищій“ тоже по одному поясному поклону и „Слава и Нынѣ“ съ тремя такими же поклонами; то же самое онъ сдѣлаетъ и послѣ „Достойно есть“ и „Возвеселилъ мя еси Господи“, прибавивъ по 12-ти поясныхъ поклоновъ и вслухъ поблагодаривъ родителей за хлѣбъ и соль.

Златоустникъ, Ефрема Сирина, прологъ и друг. хотя не очень дешево, и у бѣдныхъ мало-мальски грамотныхъ имѣются и хранятся въ почетномъ мѣстѣ, и никогда не возмущаются безъ крестнаго знаменія. Скорѣе, чѣмъ у православныхъ, у нихъ можно видѣть когонибудь изъ старшихъ, сидящимъ надъ какой либо изъ вышесказанныхъ книгъ и читающимъ или поющимъ. Правда, поютъ просто въ унисонъ, иногда очень не стройно; читаютъ нѣкоторые тоже не совсѣмъ выразительно и правильно, замѣтно не понимая смысла читаемаго, но всѣ эти поющіе и читающіе всё это дѣлаютъ задумчиво, съ благоговѣніемъ (такъ что подобное отношеніе къ вышесказанному очень желательное вездѣ).

По мнѣнію единовѣрцевъ и старообрядцевъ въ школахъ дѣти должны не отвѣчать, а учиться кромѣ ариметики, грамматики, письма и проч. и любимымъ ими церковному чтенію, пѣнію, богослуженію и вообще ихъ обрядамъ и обычаямъ. Между тѣмъ учителя изъ „образованныхъ“, какихъ видятъ единовѣрцы, своими примѣрами—многіе развили—въ дѣтяхъ надменность, охлажденіе къ Храму Божію. Чтеніе въ Храмѣ и внѣ его, хотя бы часовника и псалтыря, а также истовое

огражденіе себя крестнымъ знаменіемъ и поклоны нѣкоторые дѣти стали считать бесполезнымъ, даже недостойнымъ для себя занятіемъ. И не удивительно. Теперь не только въ учительскихъ, но и въ духовныхъ семинаріяхъ „музыка, пѣніе“, а можетъ и „танцы“ и несоблюденіе постовъ, „стоять на подобающей имъ высотѣ“, а истовое богослуженіе, уставное чтеніе и пѣніе въ церкви дѣтми и взрослыми прихожанами, соблюденіе постовъ, истовое и благоговѣнное совершеніе крестнаго знаменія и поклоновъ, именно то, что народъ православный любитъ и чѣмъ дорожить, какъ заповѣданное святыми отцами, чего требуетъ и цѣль учрежденія при церквахъ школъ, что плодотворнѣе, чѣмъ учреждаемы нынѣ разныя собесѣдованія, бібліотеки, проповѣди, туманныя картины вліять на нравственность народа и располагаетъ его къ Церкви Христовой опустилось слишкомъ ужъ низко. Въ „Церк. Вѣд.“ говорится: „Теперешніе кандидаты священства выходятъ изъ семинарій, не зная церковнаго устава, не умѣя ни читать, ни пѣть, ни даже креститься“ (1906 г. № 24, стр. 1770). Эти правдивыя слова сказаны только нынѣ, а единовѣрцы, старообрядцы и друг. видѣли всё это очень давно. И глядя на это: первые скорбѣли душою и сердцемъ, а послѣдніе злорадствовали и при случаѣ издѣвались надъ единовѣрцами и надъ православнымъ народомъ, отвлекая ихъ отъ Церкви Христовой.

Единовѣрецъ Григорій Говядинъ.

Лѣтопись единовѣрческой жизни.

Манифестъ 17 апрѣля 1905 года составилъ эру въ жизни старообрядцевъ и единовѣрцевъ. Первые получили милости и льготы, какихъ прежде не имѣли, а вторые выросли въ своемъ самосознаніи, какъ никогда раньше. Единовѣрцы ходомъ предшествующей своей исторіи почти были приучены, чтобы безъ ропота скоронить свое единовѣріе, какъ отжившее учрежденіе. Сто слишкомъ дѣть твердили простодушнымъ соединенцамъ объ этомъ и достигли того, что тѣ повѣрили и свыклись.

По всей вѣроятности у единовѣрцевъ затвержаніе истины о своемъ исчезновеніи продолжалось-бы и дальше, но на ихъ спасеніе 17 апрѣля 1905 г. прозвучала пасхальная вѣсть. Она сразу пробудила въ нихъ воспоминаніе о скороненныхъ надеждахъ и чаяніяхъ. Высочайшій указъ разбилъ преграды и затворы, законми они были погребены.

Первая надежда, воскресшая у Единовѣрцевъ послѣ 17 апрѣля—это возродившееся ожиданіе *имѣть у себя единомысленныхъ епископовъ*. Последнее ходатайство соединенцевъ о епископѣ было 1892 году. Тогда Духовная власть, чтобы заразъ и на всегда уничтожить подобное ходатайство, назвала его домогательствомъ, недостойнымъ имени Единовѣрія. Прямо запретила когда-либо облекать его въ форму прошенія. Апрель 1905 года освободилъ руки и открылъ уста соединенцевъ. Богъ устроилъ такъ, что къ этому времени явились и люди—пожелавшіе послужить устройству Единовѣрія. Разумѣемъ представителей единовѣрческихъ приходовъ

г. С.П.Б.—церковныхъ старостъ. Послѣдніе очень усердно взялись за возбужденія поваго ходатайства касательно едиповѣрческаго епископа. Въ С.-Петербургѣ подъ вліяніемъ приснопамятнаго о. Іоанна Верховскаго болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, сохранилось Едиповѣріе и ревностное къ нему отношеніе его держателей.

Прихожане С.-Петербургскихъ едиповѣрческихъ церквей были когда то очевидцами борьбы своего пастыря за свободу православнаго старообрядчества. Память о его подвигахъ живетъ въ сердцахъ соудископцевъ до сихъ поръ. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, если петербургское общество едиповѣрцевъ, во главѣ со своими старостами — первые откликнулись на голосъ священника Симеона Шлеева. Онъ ихъ звалъ къ тому же, къ чему и прежній ихъ руководитель — многострадальный его предшественникъ. О. Шлеевъ только что въ это время перешолъ изъ г. Казани. Перешелъ едиповѣрственно съ цѣлью воспользоваться моментомъ и положеніемъ, чтобы болѣе вѣрнымъ образомъ начать нужное для едиповѣрцевъ ходатайство.

Перейди въ г. С.-Петербургъ, онъ получилъ возможность ближе встать къ правящимъ церковнымъ сферамъ. Онъ, благодаря этому, скорѣе и шире сталъ пользоваться совѣтами мудраго и просвѣщеннаго покровителя Едиповѣрія Высокопресвященнаго Антонія, Архіепископа Волынскаго. Архіепископъ въ качествѣ присутствующаго въ Св. Синодѣ живетъ съ нѣкоторымъ промежуткомъ времени ужъ другой годъ въ царственной столицѣ.

Поводомъ, вставившимъ о. Симеона во что бы ни стало возбудить новое ходатайство о едиповѣрческомъ епископѣ были притѣненія, учиненныя Едиповѣрію Казанскимъ Архіепископомъ. Этотъ Архіепископъ — родомъ изъ южныхъ губерній (Волынской), всю жизнь прожившій въ Кіевѣ въ качествѣ профессора, а потомъ ректора, Д. Академіи, кабинетный человекъ — сласть. Едиповѣрія до г. Казани не зналъ. Слыхалъ о немъ, да читалъ, можетъ быть, еще изъ учебника г. Иванова. Живыхъ едиповѣрцевъ до своего Архіепископства не видалъ. Представлялъ ихъ чисто раскольниками, въ крайнемъ случаѣ полураскольниками — невѣждами. На Едиповѣріе смотрѣлъ, какъ католикъ на упію. Но его убѣжденію едиповѣрцы лишь терпимы. Высокопресвященный смотрѣлъ на автономію Едиповѣрія, какъ на бунтъ въ церкви. По его понятіямъ любви къ старымъ обрядамъ не можетъ быть. Что такъ именно онъ понималъ Едиповѣріе — объ этомъ свидѣтельствуетъ его названіе, какое онъ далъ едиповѣрческому священнику. Слова — второй протопопъ Аввакумъ не сходили съ устъ Архіепископа при разговорѣ объ о. Шлеевѣ.

Случаевъ, когда казанскому Едиповѣрію приходилось свидѣтельствовать свою любовь и преданность къ старому православію было не мало. Въ одной деревнѣ нѣкто С. В. Курницынъ выстроилъ едиповѣрческую церковь. Строилъ съ большими препятствіями и трудами. Когда была готова — общество, во главѣ со строителями, обратилось къ о. Симеону съ просьбой указать имъ подходящаго человека въ священники. Тотъ указалъ. Былъ составленъ приговоръ и представленъ къ Архіепископу. Послѣдній не утвердилъ, а послалъ просителей къ профессору Ивановскому, сказавъ: кого профессоръ укажетъ, того онъ и поставитъ. Прихожане возражали противъ кандидата, но профессоръ оказался хитрымъ ихъ. Онъ нарочно свидѣлъ въ ихъ деревню — поодиночкѣ говорилъ съ крестьянами и вынудилъ у некоторыхъ келейнымъ образомъ руко-

прикладство къ заранее заготовленному приговору на облюбованнаго имъ кандидата. Послѣдній былъ хиротописанъ во священники, но на первомъ же годѣ запылъ горькую до того, что посланъ бытъ въ монастырь на покаяніе. Это не первый такой ставленникъ г. Иванова. Такихъ было много. Одинъ умеръ въ бѣлой горячкѣ отъ перепоя. Другой — бѣжалъ къ старообрядцамъ, третій за пьянство былъ персведенъ изъ города въ село, гдѣ тоже умеръ отъ водки и т. д....

Насилія надъ едиповѣрцами за время пастырства о. Симеона въ Казани сказывались и въ другомъ видѣ. Директоръ едиповѣрческихъ церквей, какъ любить называть себя г. Ивановскій, проявлялъ свою тяжелую и обидную для едиповѣрцевъ опеку очень часто.

Благо ввѣрился въ него Архіепископъ. Послѣдній не безъ вліянія профессора доставилъ муки томленія едиповѣрцамъ и въ вопросѣ о посѣщеніи едиповѣрческими священниками кафедральнаго великороссійскаго собора въ царскіе и высокаторжественные дни. Едиповѣрческіе священно-церковнослужители, по просьбѣ едиповѣрцевъ — прихожанъ, освобождены отъ обязанности являться на царскіе молебны въ православные соборы — храмы (см. 55 правило Едиповѣрія 1800 года). Такое право испрошено старо-православными не потому, что на великороссійскую церковь смотрять, какъ на еретическую. Нѣтъ, они исходатайствовали его съ цѣлью сохранить свой обрядъ чистымъ и неповрежденнымъ. Являясь на моленіе въ Великороссійскую церковь, на соборное служеніе, едиповѣрческіе іереи волей не волей должны подчиняться тамошнему богослужебному распорядку. А это староправославнымъ не желательно. Ибо этотъ распорядокъ — скорѣе не порядокъ и съ уставомъ той же великороссійской церкви не сходится. Правда, Едиповѣрческіе священники, участвуя въ соборныхъ богомоленіяхъ, могутъ соблюдать свои обычаи и обряды. Но это очень уже отъбляетъ тамошній безпорядокъ, а потому не желательно для православныхъ. Чтобы не спориться и не нарушать братской любви, староправославные рѣшили лучше не посѣщать этихъ соборныхъ служеній и молиться у себя, въ своихъ храмахъ. Не много чего держались въ данномъ вопросѣ и казанскіе едиповѣрцы. Когда Архіепископъ потребовалъ отъ ихъ іереевъ явки въ кафедральный соборъ, они увидали въ этомъ нарушеніе правъ Едиповѣрія, посягательство на его существованіе, его цѣлость.

Тѣмъ болѣе припуждены были такъ посмотреть, что самая явма была вызвана недовѣріемъ къ едиповѣрцамъ, заподозрѣваніемъ ихъ православности.

18 іюля 1904 года о. Симеонъ заявилъ Архіепископу, что 19 іюля у нихъ не будетъ праздничной службы, что торжественное правднованіе памяти Преподобнаго Серафима для нѣкоторыхъ едиповѣрцевъ — пока еще камень преткновенія. Архіепископъ вмѣсто того, чтобы по христіански разобраться въ завлоніи едиповѣрческаго священника, накричалъ и пригрозилъ Синодальнымъ проклятіемъ.

Архіерей былъ не правъ: и съ формальной стороны и по существу дѣла. Онъ опустилъ изъ виду, что служба Русскимъ святымъ положена послѣ рядовой службы. Исключеніе дѣлается по случаю лишь храма или особаго торжества. Ни того, ни другого обстоятельства на лицо не было. Указа Св. Синода въ 1904 г. объ особомъ празднествѣ въ честь Св. Серафима не поступило. Не было въ едиповѣрческой церкви и храмоваго праздника въ честь Саровскаго Угодника.

Несправедливъ былъ Владыка и по существу дѣла. — Если

нѣкоторые единовѣрцы соблазнялись торжественнымъ празднествомъ въ честь препод. Серафима, то въ этомъ сказывалось не отсутствіе православности, за которое они по словамъ достойны клятвы, а немощь духа. Единовѣрцы не празднують и въ честь Св. Димитрія Ростовскаго, Митрофанія Воронежскаго, Тихона Задонскаго, Иннокентія Иркутскаго и Оеодосія Черниговскаго — однако ихъ за это еще никто не пролиналъ. Въ честь упомянутыхъ святыхъ не многіе изъ православныхъ совершаютъ торжественныя богослуженія. Обыкновенно, въ эти дни отправляется рядовая служба.

Архіепископъ на колебаніе о. Шлева совершить 19 іюля 1904 года торжественное богослуженіе въ честь Саровскаго угодника посмотрѣлъ, какъ на расколъ и мятежъ церкви. Хотя служба была совершена, потребовалъ отъ него свидѣтельствованія своего православія. Приказалъ 22 іюля явиться въ соборъ на молебень.

Такого рода поступкомъ возмущились всѣ единовѣрцы г. Казани. Однако дѣйствія мѣстнаго Благодѣяна скрыли отъ Владыки истинное положеніе вещей. Отношенія ихъ къ Архіепископу, благодаря этому, натянулись до невозможности.

Исторія съ Рождественской службой окончательно разорвала эти отношенія. О. Симеонъ, заботясь, чтобы, хотя въ великіе праздники, какъ-то: въ Рождество Христово, Богоявленіе Господне служба совершалась по уставу: вечерня—павечерница—вечеромъ, а утренняя — утромъ, рѣшилъ начать ее по примѣру греческой церкви около полуночи. Преступнаго въ этомъ не было. Въ С.-Петербургѣ, во всѣхъ 4-хъ единовѣрческихъ церквахъ службы въ эти дни начинаются въ 10 ч. вечера—Архіепископъ однако и въ этомъ усмотрѣлъ самоуправство и бунтъ. Въ разговорѣ съ о. Семеономъ 28 декабря 1904 года онъ заявилъ, что отъ служенія о. Симеона не видятъ пользы.

Въ то время (28 декабря), когда Архіепископъ чинилъ допросъ о. Шлеву, у послѣдняго въ карманѣ лежали двѣ пригласительныя телеграммы переѣхать на служеніе въ С.-Петербургъ. Ватюшка увидалъ въ этомъ перестъ Вожій, будущую защиту для Единовѣрія и рѣшилъ итти, куда звалъ его Богъ.

Чтобы увѣриться въ своемъ предположеніи, о. Симеонъ 7 января 1905 года взялъ билетъ выѣхалъ въ С.-Петербургъ. Здѣсь онъ надѣялся переговорить съ своимъ прежнимъ Ректоромъ по Академіи, Преосвященнымъ Антоніемъ. Владыка Волынекій въ ту зиму былъ присутствующимъ въ Св. Синодѣ. Сверхъ ожиданія, не смотря на каноническія правила (I в. соб. 15 пр.), 17 января 1905 года Высокопреосвященный благословилъ о. Симеона на переходъ, ровно чрезъ пять лѣтъ послѣ посвященія его въ священники (17 января 1900 г.). Благословляя, далъ кипарисовый животворящій крестъ стариннаго писанія. Онъ не отказался отъ своего рѣшенія, не смотря на просьбу объ этомъ Казанскихъ единовѣрцевъ. Въ своемъ прошеніи они напоминали Владыкѣ его торжественныя, исполненныя святительской благодати, служенія по архіерейскому чину XVI вѣка въ ихъ древнемъ храмѣ. Приводили на память отъ его руки хиротонію о. Симеона опять въ ихъ-же храмѣ по книгамъ Соловецкой Обители XIV вѣка. Не забыли указать также и то, что некому поддерживать послѣ о. Шлева того церковнаго благолѣпія, которое завелъ у нихъ самъ-же Владыка Антоній. На прошеніе Казанскихъ единовѣрцевъ отъ 25 января онъ положилъ приблизительно такого рода резолюцію: Не отговаривайте о. Симеона переходить въ С.-Петербургъ, на новомъ мѣстѣ

онъ можетъ принести пользу не одному Вашему приходу, а многимъ.

Ватюшка Шлеевъ, между тѣмъ, переживалъ большое смущеніе духа. Порядки петербургской церкви, службы въ ней ему не понравились. 16 января онъ увидалъ здѣсь какую то полѣсь великороссійскихъ и единовѣрческихъ обычаевъ и обрядовъ. Съ другой стороны, прежніе прихожане чрезъ Владыку Антонія прислали такого рода телеграмму. „Усердѣйше и покорѣйше просимъ не оставлять Казанской единовѣрческой паствы Вашей. Вы только одинъ установили въ нашемъ храмѣ истинное и благолѣпное богослуженіе. Не покидайте насъ, да не впадемъ въ глубокую скорбь и печаль, потерявши Васъ, добрый и возлюбленный пастырь. Вернитесь снова въ благоустроенный вашими трудами и заботами четырехъ—Евангелистовскій храмъ. Староста Смоленцевъ съ попечителями и прихожанами“.

Чтобы успокоить душу прежнихъ, добрыхъ прихожанъ о. Симеонъ рѣшилъ просить своегородителя замѣстить его Казанскій приходъ. Тотъ, невзирая на свой преклонный возрастъ, уступилъ просьбѣ сына и утѣшилъ осиротѣлую паству. Оставалось примирить свою совѣсть съ порядками петербургскаго прихода. На предварительномъ собраніи петербургскихъ прихожанъ, онъ (14 января) поставилъ на видъ ихъ недочеты въ церкви. Тѣ признались въ нихъ и заявили, что страдаютъ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ, но ничего не могутъ подѣлать со своимъ духовенствомъ и что усердно просятъ о. Симеона поступить для устройства Петербургскаго Единовѣрія. О. Симеонъ, какъ помнится, прибавилъ имъ на это: если родитель согласится служить за меня въ Казани и если Вы общаете мнѣ свою помощь и поддержку—то, Богу такъ изволивши, согласенъ послужить въ Вашемъ храмѣ, давайте—помолимтесь. Положили началъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Извѣстія и замѣтки.

Единовѣрческіе монастыри. Всероссійское братство православныхъ единовѣрцевъ. Ходатайство объ утвержденіи его „Устава“.

Прискорбныя нестроенія Покровской Обители Черниговской епархіи, описанныя въ № 6 „Правды Православія“, заставили, многихъ вліятельныхъ церковныхъ старостъ „Стародубья“, посерьезнѣй взглянуть на свое безпомощное единовѣріе. Годичное отсутствіе начальника въ обители и та мысль: когда-то онъ еще будетъ назначенъ привели къ доброй идеѣ: самимъ мірянамъ войти въ упорядоченіе прежде всего своей дорогой обители.

Отъ души привѣтствуемъ мирянь-единовѣрцевъ. Пора и давно пора стряхнуть съ себя пыль и пробудиться отъ вѣковой спячки. Въ единовѣрії вообще, а въ „Сттродубскомъ“ въ частности, много перезрѣвшаго и начавшаго даже сохнуть дѣла. Святая ревность предковъ взываетъ къ защитѣ того, за что они боролись и что отстаивали и начемъ устроили свое единеніе съ св. Церковью. Единовѣрческое пастырство въ слободахъ, за очень малыми исключеніями, за-

нято ничегонедѣланіемъ. Если и являлись трудящіеся на дѣлѣ служенія единовѣрцію, то непонятною силою судьбы: или добровольно уходили, или заподозрѣнные въ мнимомъ либерализмѣ (?) изгнаны, по слову Божію: „Некоторый же пророкъ безчестенъ, токмо во отечествѣ своемъ Погоня за теченіемъ вѣка сего совершенно удаляетъ отъ Божьяго дѣла на благо и Церкви и св. соединенства.

Смѣемъ думать, что г. Оберъ-Прокуроръ, котораго „Стародубскіе“ единовѣрцы просятъ обратить вниманіе на нестроенія родной обители, протянутъ имъ руку помощи.

Въ центрѣ нашихъ слободъ и посадовъ Черниговской Епархіи, пишутъ они ему существуетъ первоклассный мужской Покровскій монастырь. Въ 1846 году, когда наши слободы приняли Единовѣріе, былъ обращенъ по Высочайшему Повеленію въ единовѣрческій и Покровскій монастырь съ общаго согласія на то и братства монастыря и всѣхъ слободжанъ „Стародубья“. До своего присоединенія Покровскій монастырь былъ крупнымъ центромъ всего Малороссійскаго раскола. Покровскій былъ Лаврой старообрядчества, такимъ онъ остался и нынѣ Церковно-пресвѣтительное и миссіонерское значеніе сказывалось весьма ярко въ каждой Единовѣрческой слободѣ. Все единовѣріе „Стародубья“ объединялось монастыремъ. Какъ истый стражъ стоялъ всегда на стражѣ иптересовъ, родныхъ ему посадовъ, съ которыми онъ родился и возродился Въ большинствѣ случаевъ пастыри единовѣрческіхъ приходовъ, причетники, пѣвцы это питомцы Покровской Обители. Ни одно церковное торжество, какъ въ посадахъ, такъ и въ обители не происходило безъ взаимнаго единенія. Миссія начало свое полагала въ Св. Обители и влияние монастыря на окружающій расколъ сказывалось неоднократноными торжественными присоединеніями заблудшихъ чадъ въ лоно св. Церкви Православной. И теперь Обитель Покрова Божіей Матери есть для насъ, единовѣрцевъ слящоннѣйшая Лавра и кунель нашего единенія съ Церковью.

Но вотъ уже годъ, какъ умеръ Настоятель обители Игуменъ Геронимъ. Въ числѣ братства пѣтъ исполнѣ достойнаго принять посохъ присноблаженныхъ Настоятелей Обители. Владыка нашъ Черниговскій указомъ консисторіа отъ 21 іюня сего 1906 года за № 10699, даетъ намъ знанъ, что онъ входилъ рапортомъ предъ Св. Синодомъ, но въ вѣдѣніи Синода якобы не оказалось достойнаго лица и Владыка самъ такового не имѣетъ. Монастырь-же безъ начальника приходитъ въ великое оскудѣніе и нравственно и матеріально. Съ болъею сердечностію мызираемъ на упадокъ родной и дорогой обители своей! Десять лѣтъ тому назадъ такое-же было положеніе Покровскаго, но мы дерзновенно просили С. Синодъ дать намъ настоятеля Московскаго Никольскаго единовѣрческаго монастыря игумена Геронима и наша просьба была услышана. Вѣдь и въ глубокую древность христіанскія общины просили высшую власть дать имъ духовныхъ руководителей и мудрыхъ отцевъ. А посему и нынѣ дерзновенно смѣемъ утруджати благость Вашего Высокопревосходительства, даровать намъ достойнаго первоклассной обители игумена. Таковымъ достойнымъ кандидатомъ мы видимъ игумена Гуслицкаго Спасо-Преображенскаго монастыря Московской епархіи отца Мина. Добрую иноческую жизнь его мы хорошо знаемъ миссіонерская опытность его въ нашихъ посадахъ будетъ незаменима. Подъ мудрымъ и опытнымъ водительствою его, обитель Царицы Небесной, опять зацѣлется, яко кринъ сельный и мы будемъ благословлять имя Вашего Высокопревосходительства. Всякое-же промедленіе, въ столь великомъ дѣлѣ, будетъ приносить лишь вредъ обители и великій ущербъ и упадокъ религіозно-христіанскому духу нашего „Стародубскаго“ единовѣрціа, особенно въ нынѣшнее злое антирелигіозное и распатанное время. Молимъ вашу благость и просимъ перевести къ намъ изъ Гуслицъ за

обѣтъ иноческаго послушанія игумена отца Мина. Да не останется-же нашъ, народный голосъ, гласомъ вопіющаго въ пустынь. Ибо мы не отъ себя только просимъ, но какъ представители единовѣрческіхъ общинъ Черниговскаго единовѣрціа. Просимъ отъ всего единовѣрціа.

Вашего Высокопревосходительства, всепокорнѣйшіе слуги.

Въ своей просьбѣ Черниговскіе единовѣрцы ходатайствуютъ дать имъ игумена Отца Мину.

Отца Мину знаемъ какъ Михаила Шустова, извѣстнаго ученика присноблаженнаго отца Павла Прусскаго. Знаемъ какъ борца на миссіонерскомъ поприщѣ, какъ Игумена добре правяща своимъ стадомъ. Смѣемъ думать, что отецъ Мина не забылъ обѣтовъиночества „отскатъ свою волю и битъ готову всегда на подвигъ послушанія“.

Для Гуслицкой обители, какъ благоустроенной и матеріально обезпеченной, настоятель всегда найдется и будетъ. Въ нашу-же Покровскую не всякій пойдетъ.

Уповаемъ, что Высшая Церковная Власть не отринетъ слезной просьбы мірянъ-единовѣрцевъ и „времени неукоснящу“ пошлетъ отца Мину въ предѣлы присноблаженнаго печальника о единовѣрціи инока Никодима.

Много, много слѣдовало-бы вамъ, міряне единовѣрцы, поразмотрѣть въ своемъ единовѣрціи. Ибо „спящимъ челоуѣкамъ пріидѣ врагъ и всѣя плевелы“.

Церковная власть несовѣмъ и всегда вѣрно освѣдомлена о жизни нашихъ общинъ, а потому искреннее освѣщеніе темныхъ сторонъ нашей жизни принесетъ пользу дѣлу оживленія единовѣрціа. Вы сослужите существенную службу, какъ печальники, ревнители и охранители древнихъ устоевъ стародавности.

Единовѣрецъ.

На единовѣрческіе монастыри кака-то напасть.

Въ одномъ (покровскомъ) настоятеля пѣтъ, въ другомъ—братія, а въ третьемъ—средствъ для существованія. Вездѣ разгромъ, разрушеніе и полное нестроеніе.

По однимъ слухамъ Керженскій мужской монастырь обращается въ женскій. Печально, если такъ будетъ. Въ Нижегородской епархіи, гдѣ много единовѣрцевъ, необходимо быть и мужскому монастырю. Женскія обители и теперь есть: Мовѣдѣвская и Осиповская. Единовѣрцамъ особенно мѣстнымъ нужно хлопотать, чтобы не закрывали Благовѣщенскаго единовѣрческаго мужскаго монастыря. Имъ нужно обратить вниманіе на его состояніе, между прочимъ и на матеріальную сторону. Печатаемъ ниже два письма касательно этого монастыря.

Такихъ бѣдствій на единовѣрческіе монастыри по всей вѣроятности не было бы, еслибъ существовало Всероссийское Братство православныхъ старообрядцевъ. Его уставъ въ § 20 гласитъ: „Всероссійское Братство разсчитываетъ по мѣрѣ возможности помогать бѣднымъ монастырямъ и приходскимъ церквямъ въ устройствѣ храмовъ, въ пріобрѣтеніи приличной утвари—монастырямъ въ содержаніи братія, а въ приходяхъ въ поддержаніи и введеніи православно-старообрядческихъ благотворительныхъ учрежденій: богаделенъ, больницъ, приютовъ и т. п.“.

Единоувѣрцы всё силы должны положить на то, чтобы завести себѣ такое братство.

С.-Петербургскіе единоувѣрцы, насколько хватаетъ ихъ умѣнья, хлопочутъ о его утвержденіи. Пусть не укоряютъ въ какомъ-то бездѣйствіи. Лучше было бы, если бы помогали не только словами, но и дѣломъ. За горячій откликъ о. Ярослава по поводу проекта „Устава“ Братства весьма благодаримъ. Дай Богъ побольше сочувствующихъ.

Въ субботу, 28 октября, Петербургскіе старосты и попечители единоувѣрческихъ церквей подали г. Оберъ-Прокурору Св. Синода касательно утвержденія устава „Всероссійскаго Братства единоувѣрцевъ“ такое прошеніе:

Ходатайства старообрядцевъ услышаны. Имъ даровано, что они просили. Октября 17 дня 1906 года отдѣленцамъ даны новыя льготы и милости. Ихъ общины получили право юридическаго лица. Не слышитъ Правительство однихъ лишь соединенцевъ. Единоувѣрцы другой годъ ищутъ своихъ правъ и до сихъ поръ не имѣютъ ихъ.

Они просили себѣ епископа, но имъ предложено ждать.

Они просили для себя сѣзды, но имъ ничего не отвѣтили.

Они просили утвердить Уставъ Всероссійскаго Братства православныхъ старообрядцевъ-единоувѣрцевъ, но имъ сказали повременить.

Вывшій Г. Оберъ-Прокуроръ Князь А. Д. Оболенскій сдалъ „Уставъ“ на заключеніе VI отдѣла предсоборнаго присутствія. Последнее признало возможнымъ исполненіе Устава (Церкви. Вѣд. № 17 за 1906 г.).

Усердно просимъ Ваше Высокопревосходительство протяните руку помощи. Подвигните дѣлопроизводство по утвержденію Устава нашего Братства.

Соединяясь съ Русскою Церковью, мы полагали сохранить свободу своихъ религіозныхъ убѣжденій. Но кромѣ притѣсненій, ничего другого не видимъ. И это въ то время, когда старообрядцы, не согласившіеся на соединеніе, пользуются всѣми правами свободы.

Вынося въ продолженіи цѣлой сотни лѣтъ ненависть со стороны старообрядцевъ за то, что ушли, единоувѣрцы испытываютъ и со стороны Русской Церкви одно лишь недовѣріе. Благодаря тяжелой рукѣ Православнаго Духовнаго Вѣдомства, они лишь на бумагѣ имѣютъ приходскую организацію. Въ жизни же почти утратили приходскую общину. Всѣ наши стремленія направить дѣло встрѣчаютъ только одинъ препятствіи.

Русскіе люди въ минуту тяжелыхъ испытаній объединялись въ братства. Мы рѣшились на то же.

Благоволите, Ваше Высокопревосходительство, уважить нашу законную просьбу и убѣдить кого нужно утвердить Уставъ Нашего Всероссійскаго Братства. Время не терпитъ отлагательствъ и предъявляетъ намъ требованія, но мы связаны по рукамъ и ногамъ.

Не ради чего, а ради чести Русской Церкви, съ кою мы соединились, просимъ—дайте намъ свободу—изведите изъ темницъ наши души, чтобы исповѣдывать по мѣрѣ нашихъ силъ имя Господне.

При семъ прилагаемъ два экземпляра „Устава“.

28 Октября 1906 года.

Письма въ редакцію.

I.

Многоуважаемый Отецъ Симеонъ Ивановичъ!

Здѣсь упорно держится слухъ, что единоувѣрческій Керженскій монастырь обращаютъ въ женскій. Очень жаль. Мужской монастырь—одинъ во всей губерніи. Нѣтъ ли здѣсь со стороны мѣстнаго Владыки какой-либо задней цѣли? Если Богъ поможетъ—дадутъ намъ своего епископа, мужской монастырь очень-бы пригодился намъ. Прошу Васъ, нельзя-ли помочь намъ въ этомъ дѣлѣ, чтобы оставили Керженскій монастырь, какъ и былъ, мужскимъ:

Съ истиннымъ почтеніемъ къ Вамъ Александръ Сергѣевъ.
Н. Новгородъ, Октября 17.

II.

Премногоуважаемый Ватюшка, О. Симеонъ!

Осмѣливаюсь спросить Васъ. Слухъ есть, что на Единоувѣрческомъ волковскомъ кладбищѣ находятся отказанные на нашу обитель деньги. Передавали намъ объ этомъ инокини Осиповскаго монастыря. Они и Медвѣдевскій монастырь получили свои части. Рѣшили перестроить древнюю въ монастырѣ церковь. Пришла въ ветхость. Но средствъ не имѣежь. Обращаемся къ Вамъ и Вашимъ прихожанамъ. Посодѣйствуйте намъ, не откажитесь подать руку помощи. При семъ посылаемъ Вамъ видъ древней и ветхой нашей церкви. Было у насъ приготовлено на постройку 1800 рублей. Копили шесть лѣтъ. Но безвольные люди унесли. Поддомали церковь, гдѣ они хранились. Безъ благотворителей перестроить храмъ не въ силахъ.

Молитвенники Ваши, Настоятель Керженскаго единоувѣрческаго Благовѣщенскаго монастыря съ братіей. Адресъ: г. Семёновъ, Нижегородской губ.

III.

Состою подписчикомъ Вашего журнала, прошу напечатать мое заявленіе.

Меня крайне удивляетъ, что мы, единоувѣрцы Россійской Имперіи, до сего времени не можемъ получить самостоятельнаго единоувѣрческаго епископа. Всѣ единоувѣрческіе приходы послали приговоры на имя уполномоченныхъ старостъ Петербургскихъ церквей, но безрезультатно.

Можетъ быть уполномоченные ждутъ будущаго духовнаго собора. Мое мнѣніе, напротивъ, не ждать собора, а просить нашего Всемилостивѣйшаго Монарха даровать намъ самостоятельнаго единоувѣрческаго епископа, такъ же, какъ и Своимъ Указомъ Онъ даровалъ свободу всѣмъ старообрядцамъ.

Неужели единоувѣрціе опасѣе и вреднѣе, чѣмъ старообрядческія согласія. Если святѣйшій синодъ не считаетъ насъ за такихъ, то почему не исполняетъ просьбы единоувѣрцевъ.

Синоду извѣстно, что православные епископы не могутъ удовлетворять единоувѣрцевъ, не зная ихъ обрядовъ, службъ и быта.

Покорѣйше прошу уполномоченныхъ и уважаемаго о. С. Шлева войти вторично съ просьбою о дарованіи епископа.

Безъ епископа единоувѣрціе влачатъ жалкое существованіе въ противоположность Австрійщинѣ. Епископъ слѣдиль бы за дорогими для единоувѣрціи древними уставами, службами, обрядами, духовенствомъ, которое старается уклониться отъ задачъ единоувѣрціи.

Съ истиннымъ почтеніемъ, готовый къ услугамъ единоувѣрцевъ П. Ф. Толмачевъ.

Г. Симбирскъ. 24 октября 1906 г.

ВОЗЗВАНІЕ:

Милостивый Государь, г. Редакторъ.

Нижайше просимъ Васъ помѣстить въ Вашемъ изданіи нижеслѣдующее: Не посильно тяжелое бѣдствіе переживаетъ въ настоящее время наше село Теликовка (Николаевского у. Самарской г.). Неурожай послѣднихъ двухъ лѣтъ поставилъ населеніе въ самое безвыходное, критическое положеніе. Протянувъ кое-какъ при помощи продовольственной поддержки со всякими лишеніями изъ своихъ прежнихъ скудныхъ запасовъ прошлый девятьсотъ пятый голодный годъ оно (населеніе) совсѣмъ безнадежно борется съ голодомъ настоящаго года. Урожай выразился въ такомъ незначи тельномъ размѣрѣ, что многимъ пришлось съ засѣянной десятины взять не болѣе двухъ трехъ пудовъ хлѣба. Сѣявшіе на душевой землѣ остались безъ хлѣба, сѣявшіе на сѣмной, слѣдовательно болѣе зажиточные изъ крестьянъ, остались еще должниками (и вотъ что оказалось теперь—бѣдные и богатые сравнялись).

Все село состоитъ болѣе чѣмъ изъ шестисотъ домохозяевъ, а хлѣба своего при самомъ расчетливомъ сбереженіи хватить для себя, можетъ быть, у десятой части, большинство же не имѣетъ ни какого запаса сейчасъ перебиваются съ куска на кусокъ безъ надежды „будутъ-ли сыты завтра“. Съ продовольственной правительственной судой страшно медлятъ. Сильныхъ достаточныхъ людей въ мѣстечкѣ нѣтъ, и о какой либо помощи на мѣстныхъ средства и думать ничего. По предложенію Общества Земской организациі о голодающихъ было составлено мѣстное попечительство для устройства въ селѣ, столовой. Начались хлопоты, обычныя переписки и дальше этого вотъ уже второй мѣсяцъ дѣло не двигается, а списокъ голодающихъ съ каждымъ днемъ все увеличивается въ ужасающихъ размѣрахъ. Село наше находится въ полосѣ исключительно земледѣльческой, ремесла какихъ нибудь въ селѣ не знаютъ. На заработки итти некуда, да и большинству нельзя—либо по семейному положенію, либо просто потому, чтобы не привести, въ случаѣ неудачи, въ окончательный упадокъ свое невеликое, жалкое хозяйство.

Голодные, больные, полураздѣтые идутъ за помощью къ своимъ священникамъ, просятъ, умоляютъ помочь имъ, похлопотать. Чѣмъ можешь помогаешь, но вѣдь не всѣ священники настолько обезпечены, чтобы изъ личныхъ средствъ оказывать помощь тѣмъ, подавными которыхъ сами жинуть, и едва-ли, когда голодаеть приходъ, можетъ быть избытокъ у священника.

Такимъ образомъ, использовавъ на мѣстѣ всѣ средства, могущія сколько нибудь умѣрить народное бѣдствіе, мы рѣшились обратиться за помощью ко всѣмъ добрымъ людямъ дорогаго отечества: помогите ради Христа своими пожертвованіями прожить населенію села Теликовки страшную голодную годину.

Пожертвованія просимъ направлять: Гор. Волыискъ, Саратов. г. Священникамъ с. Теликовки Дмитрію Тиминскому и Андрею Вишневцу.

Священники с. Теликовки: Николаевской Церкви Дмитрій Тилгинскій, Единовѣрческой Казанской Церкви Андрей Вишневъ.

Другіе газеты и журналы просимъ перепечатать.

Редакторъ Вас. Пав. Медвѣцкій.

Издатель Свящ. С. Шлеевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на

1907 годъ

на еженедѣльный журналъ

„Правда Православія“.

ОРГАНЪ ЗА СВОБОДУ И НЕЗАВИСИМОСТЬ.

Журналъ будетъ выходить еженедѣльно по пятницамъ въ размѣрѣ отъ 2 до 3 печатныхъ листовъ большаго формата по слѣдующей программѣ:

- 1) жизнь человѣка, какая она есть и какой должна быть. Церковь и школа, какъ имѣющія значеніе первыхъ воспитателей и наставниковъ въ жизни правды, свѣта, любви.
- 2) Великороссійская церковь.
- 3) Единовѣріе.
- 4) Расколъ.
- 5) Сектанство.
- 6) Инославный міръ. Значеніе ихъ въ смыслѣ осуществленія этихъ началъ и проведенія ихъ въ жизнь.
- 7) О самовоспитаніи и самообразованіи: а) воля, воспитаніе умственное, нравственное и физическое; б) дѣти и ихъ воспитаніе; в) родители и окружающая среда, вліяющіе на воспитаніе подросткаго поколѣнія.
- 8) О познаніи міра видимаго и невидимаго: а) душа наша, какъ познавательная способность; б) что мы знаемъ и что могли бы знать при развитіи и воспитаніи нашихъ духовныхъ силъ.
- 9) Вопросы философіи и психологіи и какъ при ихъ помощи можно видѣть явленія нашей жизни въ дѣйствительномъ свѣтѣ.
- 10) Хроника.
- 11) Лѣтопись жизни Единовѣрія.
- 12) Отвѣты и запросы.
- 13) Вѣсти по приходамъ.
- 14) Библиографія.
- 15) Объявленія.

Въ журналѣ принимаютъ участіе:

А. В. Зенгеръ, свящ. Ярославъ Медвѣдь, В. Ф. Бочановскій, Б. Норшунъ (псевд.), Вас. Мед., Б. Ф. Гейеръ, М. М. Крамалей, Ахилла Десницынъ (псевд.), Вас. Чехъ, свящ. Ян. Мат. Святловъ, Ив. Осиповъ, З. В. Соловьевъ и другіе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА:

На годъ съ доставкой и перес. пять рублей.

на полгода три рубля.

— Отдѣльные номера 10 коп. —

Подписка принимается: С.-Петербургъ, Николаевская ул., д. 22, кв. 2. контора журнала „Правда Православія“.